

ЦЕЛЬ

Дженнифер Фэнер Уэлмс

ПРЕВОСХОДНАЯ КНИГА!
ПРОЧИТЕ, И ВЫ ЕЕ ПОЛЮБИТЕ.
НАЛИНИ СИНГХ

fanzon

Sci-Fi Universe

Дженнифер Уэллс

Цель

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уэллс Д. Ф.

Цель / Д. Ф. Уэллс — «Эксмо», 2014 — (Sci-Fi Universe)

ISBN 978-5-699-95657-9

В 60-х годах XX века НАСА обнаружило внеземной космический корабль, скрывающийся в поясе астероидов. Они наблюдали «Цель» в течение нескольких десятилетий, лихорадочно совершенствуя технологии, чтобы добраться до корабля и изучить его. Корабль же все это время беззвучно дрейфовал в космосе. Доктор Джейн Холлоуэй – лингвист, специализирующийся на вымирающих языках. Она и не думала становиться астронавтом. Но когда НАСА предлагает ей присоединиться к экспедиции на «Цель», Джейн не может отказаться. Это решение полностью изменит ее жизнь, ведь как только она приблизится к внеземному объекту, в ее голове раздастся тихий голос: «Ты дома».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-95657-9

© Уэллс Д. Ф., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

1	6
2	13
3	22
4	34
5	41
6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дженнифер Фэнер Уэллс

Цель

Гарри, Чарли и Митчу.

Вы поверили в меня и дали мне время, которое мне было нужно.

Рэю Брэдбери – мой первый шаг в бесконечные миры научной фантастики.

«Для меня гораздо лучше понимать Вселенную такой, какая она есть, чем упорствовать в заблуждениях, какими бы удовлетворительными и убедительными они ни были».

Карл Саган¹

* * *

Jennifer Foehner Wells **The Confluence Trilogy. Book 1: Fluency**

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2014 by Jennifer Foehner Wells

© Н. Сосновская, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“»,
2017

---

¹ Карл Эдвард Саган (1934–1996) – американский астроном, астрофизик и популяризатор науки, пионер в области экзобиологии. Саган положил начало развитию проекта по поиску внеземного разума SETI. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

1

Джейн, стянутая ремнями безопасности, пошевелилась, когда космическая капсула, внутри которой она находилась, начала вибрировать. Джейн выгнула шею, чтобы лучше разглядеть корабль, к которому они мчались. Это была «Цель».

– Здоровенная штука, – прошептал пилот Том Комптон.

Джейн слышала, как командир и пилот щелкают тумблерами, нажимают кнопки на пультах и переговариваются отрывочными рублеными фразами на жаргоне НАСА. Взгляды всех членов команды были обращены к экрану, на котором красовался корабль – цель путешествия. Он увеличивался на глазах. А Джейн была закована в ремни безопасности в проходе между сиденьями под кокпитом, и смотреть на экран ей мешали педали для ступней четверых членов экипажа, сидящих на уровень выше. На этом этапе путешествия Джейн была самой незначительной персоной на борту.

– Будь я проклят... они только что нам посветили, что называется, фонариком с крыльечка, – хрипло выговорил Уолш. – Открыть канал связи с Хьюстоном, – распорядился он.

– Что? – удивленно произнес Берген, сидевший ближе других к Джейн, и пробормотал: – Сукины дети.

Джейн заерзала в капсуле, не обращая внимания на то, как врезаются в кожу ремни безопасности. Она знала, как выглядит «Цель». Как она могла этого не знать? Так или иначе, о «Цели» говорили во время любой лекции в Хьюстоне. Увеличенными фотоснимками космического корабля размером с крупный город, сделанными за последние шестьдесят с лишним лет с помощью телескопа «Хаббл» и разных зондов, направляющихся к Марсу, были завешаны стены многих кабинетов Космического центра имени Джонсона в Хьюстоне – таких, где собиралось не слишком много народа. Но видеть корабль сейчас... нет, ни одна фотография не смогла бы подготовить Джейн к этому зрелищу.

Издали «Цель» напоминала повисшую в пространстве акулу-молот – тупая голова и огромное конусообразное туловище, заканчивающееся чем-то наподобие буквы «Г». Обшивку цвета тусклой бронзы покрывали разнообразные выросты, отбрасывающие тени на корпус корабля. Некоторые участки обшивки блестели ярче других. Прекрасный подвижный этюд – игра текстуры, тени и света.

Кроме корабля Джейн еще разглядела вдалеке одиночный астероид. По мере приближения к кораблю, занимавшему все больше пространства на экране, в поле зрения Джейн то и дело возникали крупинки космической пыли. Сопла извергали языки пламени и толкали капсулу все ближе к шлюзу, расположенному в «брюхе» космического зверя.

Но вот и огни – видимо, те самые, на которые им следовало ориентироваться. Джейн не сомневалась: если бы кто-то видел эти огни раньше, им об этом бы рассказали в Хьюстоне.

Приветственный маяк? Джейн попыталась сглотнуть сжавший горло ком, но у нее пересохло во рту. Ей говорили, что есть все основания считать «Цель» покинутым, брошенным командой кораблем.

Она попыталась мысленно привыкнуть к новому развитию событий. Значит, ей придется сыграть роль переводчика, а потом, вероятно, придется изучить незнакомый язык на слух, а не расшифровывать знаки и символы, чтобы прочесть некий текст – именно на такой сценарий Джейн надеялась. Холод накатил на нее волной.

– Говоришь, они только что зажглись? – требовательно спросил Берген. Он смотрел на экран, сурово сдвинув брови.

– Именно так, – ответил Комптон.

Берген повернулся к Джейн.

– Похоже, они готовы с вами встретиться, док.

Джейн натянуто улыбнулась. На большее она не была способна. Особого смысла называть ее «доком» не было, поскольку на борту катера все были докторами медицины или философии. «Но уж лучше так, чем „Индиана Джейн“, как он звал меня раньше», – решила Джейн.

– Говорите, командир. Канал связи открыт, – сказал Комптон.

Голос Уолша прозвучал четко и холодно:

– Хьюстон, говорит «Провиденс». Мы видим «Цель». Они осветили предполагаемое место стыковки для нас. Процедура стыковки начнется в расчетное время минус четыре минуты. «Провиденс» сеанс связи закончил.

Центр Управления Полетом должен был получить это сообщение через двадцать шесть минут. Приятно было осознавать, что даже на таком расстоянии Хьюстон все еще слышал их, хотя ответ мог прийти только через час.

Капсула завибрировала от звуков, похожих на раскаты грома, – это были выбросы из стабилизаторов. Уолш совершал маневры, чтобы причалить к огромному звездолету. Не так просто было величайшим интеллектуалам Земли найти верную позицию относительно шлюза «Цели». Каким-то образом точные размеры корабля вычислили по фотографиям. У Джейн путались мысли, ее охватили сомнения. «Как знать, верно ли вычислены размеры шлюза? А вдруг это вообще не шлюз? А вдруг мы пристыкуемся к камере для сброса отходов?»

Сердце бешено билось в груди Джейн. Через несколько минут ей предстояло сыграть свою роль – притом что она совершенно не представляла себе, с кем или чем именно ей предстоит встреча. Доктор Джейн Холлоуэй должна была стать посланцем Земли. Почему она? Потому что из-за какой-то случайности в ее появлении на свет, из-за какого-то странного мутировавшего гена, какого-то сдвига в химии головного мозга, она обрела способность изучать новые языки так же легко, как дышать. Но значило ли это хоть что-нибудь теперь, после того как она покинула надежные объятия Земли? Вот-вот это станет ясно.

Джейн заметила, что пальцы одной руки дрожат. Со свирепой решительностью она сжала подлокотник кресла. Она так долго сохраняла достоинство – и не собиралась терять его теперь.

Бесконечное, изматывающее путешествие завершилось. Кошмар однообразия, тесноты, доводящей до безумия, отчаянного одиночества и постоянная необходимость находиться рядом, вместе. Наконец они выберутся из этой хрупкой консервной банки из алюминиево-литиевого сплава, которая на протяжении десяти месяцев оберегала их от космического вакуума. Они вправду добрались сюда живыми и невредимыми.

Капсула сильно завибрировала. Джейн посмотрела на Бергена в поисках поддержки. Его рука замерла рядом с пряжкой, которая должна была освободить его от сбруи ремней безопасности. Он по-волчьи ухмыльнулся сквозь светлую косматую бороду. Пожалуй, за время путешествия именно он стал для Джейн кем-то наподобие друга – да и то с некоторой натяжкой.

Экипаж капсулы трепетал от всеми силами сдерживаемого волнения. Чувствовалась напряженность – но эта напряженность была намного здоровее той, которая часто царил на борту в последние десять месяцев. Происходило немало жарких споров по вопросам, не имеющим особой важности, – типа того, кто съел слишком много шоколада перед тем, как он внезапно исчез.

Голос Бергена грянул над самым ухом Джейн, испугал ее и отвлек от рассеянных мыслей. Острые черты лица Бергена исказились.

– Уолш! Ты слишком сильно разогнался. Сбавь скорость немного. Мы налетим на обшивку и разобьемся вдребезги!

Комптон, старший и самый опытный член экипажа, негромко произнес:

– Расслабься, Берг.

Голос Комптона прозвучал довольно убедительно, но все же в нем тоже чувствовалась напряженность, которая больно ударила по обостренным чувствам Джейн. Ей хотелось, чтобы Берген успокоился, но еще ей хотелось, чтобы Уолш не торопился.

– Заткнись, Берген, – процедил сквозь зубы Уолш. – Я это тысячу раз проделывал. Во сне смог бы выполнить.

– Давайте не будем отвлекаться, – донесся сверху тихий голос Аджайи Варма, бортового хирурга.

Берген навалился грудью на ремни безопасности.

– Ага... Имитация у тебя лихо получалась! А вдруг они просчитались? Да сбавь же ты скорость, мать твою! Не для того мы такой путь проделали, чтобы разбиться на подлете!

Вид у него был немного сумасшедший. Как и у всех. И от всех ужасно пахло. Микрогравитация творила нечто неприятное как с обонянием, так и с запахом тела. Джейн давным-давно перестала это замечать и обращала внимание только тогда, когда подходила к кому-то слишком близко. Она старалась всеми силами этого избегать, хотя на борту это было непросто.

Мало было того, что, поднося воду к губам, они знали, что в данный момент львиная доля этой жидкости – переработанная моча. Воды хватало только для того, чтобы обтираться влажной губкой, да и это по необходимости делали редко. Мужчины при желании могли брить бороду и стричься налысо с помощью встроенной вакуумной электробритвы, но уже несколько месяцев назад они отказались от этого и перестали делать вид, будто следят за собой, как подобает цивилизованным людям. Так что теперь они выглядели отнюдь не как люди из двадцать первого века на современном космическом корабле, осуществляющем свой первый, «девственный» полет. Выглядели они как неандертальцы-пираты, захватившие этот корабль.

Джейн облизнула пересохшие губы и скосила глаза на Бергена.

– Доктор Берген, скажите, у нас нет способа определить, сколько существ находится на борту этого корабля?

Берген оторвал взгляд от пульта управления и посмотрел на Джейн с сожалением.

– Нет, док. Тут вам не «Энтерпрайз»². У нас нет детектора признаков жизни.

Джейн кивнула, жалея о том, что вообще задала этот вопрос, – но, может быть, этим ей удалось хоть ненадолго отвлечь Бергена от Уолша.

– Верно. Я так и думала.

Берген фыркнул, что-то пробурчал себе под нос и одарил Джейн тоскливым взглядом. Возможно, извинился. А возможно, это была очередная насмешка. Она не поняла – так это или иначе, да в любом случае гадать не было времени.

Капсулу тряхнуло. Послышался металлический скрежет наружной обшивки. Разве капсула должна была издавать такие звуки?

– Проклятье. Уолш, ты все-таки как-нибудь понежнее, что ли, – еле слышно пробормотал Берген.

Очередной толчок. Уолш объявил, что идет процедура стыковки. Послышался хриплый щелчок, а после него – серия громких металлических ударов. Эти звуки еще раз повторились.

Берген, сдвинув брови, кивнул.

И снова серия ударов, и еще раз, а потом – одиночный, более глухой удар. Капсула едва заметно шевельнулась, сопла испустили выбросы длиной в секунду, и донесся такой

---

² Название ряда космических кораблей, на борту которых происходит действие фантастического сериала «Стар Трек».

отвратительный скрежет, что Берген выругался. А потом – еще серия щелчков и еще один глухой удар.

Уолш скороговоркой весьма цветисто выругался. Берген выбрался из защитной сбруи и, оттолкнувшись, полетел к верхнему уровню. Он возглавлял комиссию по разработке стыковочного протокола и знал систему лучше кого бы то ни было из присутствующих на борту.

Похоже, что-то шло не так, как надо. Джейн подумала, что один из стыковочных клампов заклинило и он не встал на место.

Берген воскликнул:

– Три из четырех – достаточно! Система была разработана с избыточным запасом прочности.

Уолш продолжал свирепо ругаться. Джейн не сомневалась: Уолш знает, что Берген прав. На самом деле разговор шел не о безопасной стыковке. Речь шла о возможности, так сказать, повернуть нож в ране, высветить недостатки конструкции стыковочного узла.

Берген отвернулся, сделал большие глаза и проговорил:

– Даже не знаю, что еще сказать. Это же элементарная геометрия. Трех точек контакта достаточно, чтобы удержать фиксацию. Проверь. Это намного лучше самого худшего сценария. Пора взять на бордаж эту проклятую хреновину.

Проверили. Похоже, Берген был прав, так что настало время действовать.

У Джейн от волнения начало покалывать ладони и ступни. Она готовилась к этому моменту почти два года – а остальные гораздо дольше. И вот теперь, когда момент наконец настал, все казалось таким далеким от реальности, похожим на сон.

Джейн расстегнула пряжку ремней безопасности, сняла темно-синий летный комбинезон из термостойкой ткани и нагрудный облегающий костюм и осталась в трусиках. От бюстгалтера она отказалась давным-давно – в конце концов, бюстгалтеры предназначаются для борьбы с силой притяжения, а в космосе это бессмысленно.

Со стеснительностью на борту вообще расстались. Шестеро человек обитали внутри корабля размером не больше скромного трейлера – домика на колесах. Даже биотуалет представлял собой крошечную кабинку за маленькой шторкой.

Аджайя открыла дверцу шкафчика рядом с тем, в котором хранился охлаждающий костюм Джейн.

– Я тебе помогу, если ты сможешь мне, – произнесла она певучим голосом с легким акцентом.

Охлаждающий костюм фактически представлял собой нательный комбинезон, покрытый паутиной полихлорвиниловых трубочек, заполненных водой – но не для питья. Этот костюм помогал астронавтам не вспотеть до смерти внутри скафандра – в буквальном смысле слова.

Джейн начала засовывать ногу в изготовленную из спандекса штанину костюма.

– Джейн, не забудь про это!

Аджайя подтолкнула к Джейн устройство для сбора мочи.

Джейн поймала устройство в воздухе и замерла.

– О боже, правда? А я думала, что они только при старте и посадке нужны!

– Мы понятия не имеем, сколько времени там пробудем. Скафандр может нас поддерживать сто пятьдесят часов, Джейн. А ты сколько времени выдержишь?

Джейн посмотрела на Аджайю. Та не шутила. Никаких сомнений – говорила совершенно серьезно.

Джейн огляделась по сторонам и нашла взглядом Бергена. Тот нацепил на себя только устройство для сбора мочи и успел засунуть ногу в штанину охлаждающего комбинезона, а вокруг него в воздухе плавала снятая ранее одежда. Они с Джейн встретились глазами. Вид у Бергена был веселый. Он явно слышал разговор девушек.

Но тут его взгляд скользнул вниз, и он помрачнел. То, что он увидел, ему явно не понравилось. Он виновато вздрогнул, отвернулся и продолжил одеваться.

Губы Джейн дрогнули. Она со вздохом спрятала улыбку, сняла трусики и натянула на себя устройство для сбора мочи. Охлаждающий комбинезон сел на нее как влитой, и это показало, как она похудела за время полета. Настала очередь тяжелого скафандра. Джейн шагнула в него сзади и сунула руки в рукава. Аджайя застегнула скафандр на Джейн и закрепила на ее спине портативную систему жизнеобеспечения, которую подсоединила к «пуповине» на груди скафандра.

Джейн распустила волосы, стянутые в хвостик, и надела на голову белую вязаную шапочку. Ее руки плавно скользнули внутрь раздутых плечевых суставов скафандра. Чувствуя на себе взгляды всех членов экипажа, Джейн направилась к Уолшу и Бергену, ожидавшим около люка шлюзовой камеры. Они самым тщательным образом проверили модули систем жизнеобеспечения каждого скафандра, после чего сбросили давление внутри капсулы. Джейн была в полной готовности. Настало ее время.

Она слышала эхо собственного дыхания внутри куполообразного шлема – оно было частым и неглубоким. Звуки собственного дыхания пугали Джейн. Она мысленно напомнила себе о том, что внутри корабля, разбившегося в тысяча девятьсот сорок седьмом году в Розуэлле³, находились какие-то люди, а не чудовища. Без всяких жутких клыков и когтей. Все считали, что тот маленький корабль был как-то связан с этим, большим. Джейн страстно надеялась на то, что это так и есть.

Она не слишком ловко нажала клавишу переговорного устройства и растерялась. Она не могла встать прямее, потому что не стояла – да никто и не сумел бы увидеть, какова на самом деле ее поза внутри этого скафандра, похожего на гору зефира. Но это не имело никакого значения, притом что убедить ей нужно было только саму себя. Поэтому Джейн расправила плечи и сказала:

– Послушайте, я знаю, что вам всем это вбито в мозг. Мы отрепетировали все вероятные сценарии бесчисленное количество раз...

Получилось не так смело, как она надеялась. Она сильно удивилась, услышав собственный голос через переговорное устройство. Уолш посмотрел на нее холодно. Берген – по обыкновению, пристально, с заготовленной злорадной усмешкой.

Джейн вздернула подбородок и заставила себя заговорить более решительно. Кое-что все же следовало повторить.

– Как только люк откроется, следуйте за мной. Они могут выглядеть и вести себя очень странно, и мы должны реагировать на это сдержанно. Сохраняйте спокойствие. Помните о своей подготовке. Никаких резких движений, никаких громких звуков – что бы ни происходило. Кулаки не сжимать, руки держать опущенными. Никак не реагировать. Разговаривать буду я.

Уолш коротко кивнул.

– Комптон, давай отправим еще одно сообщение в Хьюстон.

В наушниках, плотно прилегавших к ушам Джейн, послышался ровный, спокойный голос Комптона:

– Канал связи с Хьюстоном открыт, командир.

– Хьюстон, «Провиденс» на связи. Мы успешно пристыковались к «Цели». Три из четырех клампов стыковочного узла функционируют и держат фиксацию. Четвертый кламп задействовать не удалось. Мы собираемся открыть люк шлюзовой камеры.

---

³ Розуэлльский инцидент – предполагаемое крушение неопознанного летающего объекта около города Розуэлл в штате Нью-Мексико, США, в июле 1947 года. Согласно официальной позиции ВВС США, обнаруженный объект являлся метеозондом, использовавшимся в рамках секретной программы «Могул».

Уолш умолк. Чувствовалось, что внутри его идет борьба.

Джейн стало жалко его. Она догадывалась, что он хочет сказать что-то важное, значительное. Он ведь несколько месяцев размышлял о том, что произнести в этот момент, но теперь, когда он настал, наверное, все слова казались Уолшу не самыми подходящими.

– Комптон, включите видеокамеру на люке шлюза.

– Видеокамера включена, командир.

Уолш ухватился за скобу, обернулся и устремил взгляд в объектив видеокамеры.

– Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы человечество нами гордилось, – решительно произнес он, развернулся и плавно отпер замок наружной крышки люка шлюзовой камеры. Затем он закрепился ступнями и руками за специальные скобы и с помощью Бергена открыл крышку люка. Потом Уолш и Берген переместились назад и заняли позиции позади Джейн, рядом с Аджайей и Гиббсом. В кокпите капсулы остался только Комптон.

«Цель» теперь находилась в считанных дюймах от них. Металлическая обшивка звездолета была покрыта оспинками мелких выбоин, и каждая такая ямка была припорошена дымчатым слоем космической пыли. Быть может, такая текстура у обшивки и была изначально, или это стало результатом долгих странствий, или это были ранки, полученные в сражениях?

Кровь застучала у Джейн в висках. Она заметила какой-то странный гул или жужжание. Поначалу этот звук был едва различимым. Начавшись с негромкого шума, он постепенно набрал громкость и быстро вырос до пронзительного, лихорадочного рокота. Джейн бы лишилась сознания и рухнула на пол, если бы не пребывала в невесомости, а сейчас она просто озадаченно плавала в воздухе.

Это была паника, испуг или... что? Джейн бросила взгляд назад. Берген перестал улыбаться, Уолш смотрел прямо перед собой и с Джейн взглядом не встретился.

Шли минуты. Ничего не происходило. Неужели они проделали такой долгий путь впустую? Неужели их так унижат, что не впустят внутрь? И все же они продолжали ждать. Все молчали.

Джейн охватила дремота. Мысли медленно текли по ее сознанию и не приводили ни к каким логическим выводам. Долго ли они уже ждут? Веки Джейн сомкнулись. Она вздрогнула и завертелась в воздухе, но взлетела чуть выше, чтобы сделать вид, будто закружилась нарочно.

Берген протянул к ней руку и нахмурился.

– Осторожней, док.

Джейн обвила пальцами предплечье Бергена и крепко сжала. Она понимала, что Берген этого не почувствует, но это вряд ли имело какое-то значение.

Она услышала рокочущий металлический скрежет и поспешно выпрямилась. То, что с виду казалось прочной стенкой, разделилось на семь или восемь составных вращающихся частей, которые убрались внутрь прежде, чем Джейн успела их сосчитать. Перед ней простерлась чернильная тьма. Ни искорки света, ни малейшего звука.

– В показухе они мастера, надо отдать им должное, – проворчал Берген.

Джейн следовало бы одернуть его, напомнить о пройденной подготовке, но она зачарованно смотрела во мрак и затаив дыхание ожидала, когда что-нибудь произойдет.

Выше ее головы, совсем недалеко от входа загорелся один крошечный огонек – бледный, зеленоватый. Джейн не могла отвести от него глаз. Секунда – и вспыхнул еще один огонек, чуть дальше. Потом – еще один и еще. Эти маячки осветили длинный и широкий коридор.

Джейн невольно ахнула. Пространство. Ей хотелось побежать по этому пространству так, как она бегала в детстве по полям и лесам. Такова была ее первая мысль. Однако тут же пришла вторая.

Там никого не было.

2

Берген пришел как раз тогда, когда аудитория начала расходиться. Он неловко затянул узел галстука, догадываясь, что выглядит слишком неряшливо, и пожал плечами, чувствуя себя неловко в пиджаке, который был ему не совсем по размеру. Его отправили в Стэнфорд для встречи с лингвистом по имени Джейн Холлоуэй, чтобы уговорить ее приехать в Техас на собеседование.

Он просил послать вместо него кого-нибудь другого, но уже одновременно были забракованы восемь языковедов, а конторские крысы были заняты по уши. Рассуждали так: Берген учился в аспирантуре в Стэнфорде – следовательно, у них с Холлоуэй было хоть что-то общее. Судя по ее досье, она была самым многообещающим кандидатом, и именно ее было бы проще всего уговорить принять участие в экспедиции. Что ж... те, кто так считал, ошиблись.

За кафедрой в небольшом лекционном зале стояли две женщины, занятые негромкой, но горячей беседой. Первая, хорошо «упакованная» блондинка, была идеально причесана и одета аккуратно и безупречно, как библиотечкарь – длинная, узкая, темно-синяя юбка и жакет такого же цвета. Шею женщины обвивали жемчужные бусы, она была в туфлях на шпильках. Говорила она с встревоженной интонацией студентки юридического факультета и явно была готова завести спор – вот только Берген пока не мог понять, что именно обсуждают эти две дамы, но предположил, что обсуждение касается оценки. Похоже, блондинка опасалась нести домой, папочке, отметку «В». Жаль, но ей следовало постараться получше.

Вторая женщина, судя по всему, своих позиций сдавать не намеревалась, но при этом была смущена и чувствовала себя немного неуверенно. Выглядела она более хрупко, но, судя по ее досье, должна была быть крепким орешком. Стройная, крепкая, подтянутая. Ей очень шли обтягивающие джинсы и высокие ботинки на шнуровке.

Бергену предстоял весьма интересный вечер.

Джейн... Старорежимное имечко. Приходили на ум самые забавные словосочетания. Всю дорогу, пока Берген вел машину из Пасадены, он гадал, какой Джейн окажется эта Холлоуэй. «Джейн из Джунглей»⁴ – уж это точно. Он был совсем не против поиграть с этой Джейн в Тарзана, но это было бы жутко непрофессионально и могло бы лишить его шансов попасть в состав команды экспедиции. Не стоило так рисковать.

Он кашлянул, чтобы привлечь внимание Джейн.

Джейн Гудолл⁵. Гм. Может быть. Она ездила по миру и жила в самых отдаленных уголках. На Бедовую Джейн⁶ сейчас она похожа не была.

Джейн Фонда?⁷ А? Да нет, ерунда.

Еще одна дама с таким именем должна была выглядеть более сексуально – скажем, как Джейн Мейнсфилд⁸, если бы немного расслабилась.

⁴ Подружка Тарзана.

⁵ Дама Вáлери Джейн Мóррис Гúдолл (1934, Лондон) – посол мира ООН, приматолог и антрополог, Дама-Командор ордена Британской империи, основательница Международного института Джейн Гудолл. Широко известна благодаря многолетнему изучению социальной жизни шимпанзе в Национальном парке Гомбе-Стрим в Танзании.

⁶ Мáрта Джейн Кáннари Берк (более известная как Бедовая Джейн, 1856–1903) – профессиональный скаут и разведчица, участвовавшая в Индейских войнах с коренными жителями континента на поле боя.

⁷ Джейн Сéймур Фóнда (род. 1937) – американская актриса, модель, писательница, дочь актера Генри Фонда.

⁸ Вéра Джейн Мэ́нсфилд (1933–1967) – американская киноактриса, добившаяся успеха как на Бродвее, так и в Голливуде, была одним из секс-символов 1950-х годов.

Тактичный кашель Бергена на женщин не подействовал, поэтому он шагнул ближе к ним и протянул руку более высокой, темноволосой. Возможно, этим он ее в некотором роде спас.

– Доктор Холлоуэй. Мы с вами по телефону разговаривали. Доктор Алан Берген. Брюнетка смутилась и растерянно покачала головой.

– Друзья обычно называют меня просто Берг, – весело добавил Берген.

Женщина снова покачала головой и устремила вопросительный взгляд на свою собеседницу.

– Вы помните, что мы с вами договорились встретиться?

Взгляд Бергена скользнул к блондинке.

Блондинка радостно, дружелюбно улыбнулась ему губами, покрытыми помадой цвета темной малины. Этот оттенок очень шел к ее чистой розовой коже и большим серым глазам. Она протянула Бергену руку и радостно произнесла:

– Рада познакомиться с вами, доктор Берген. Я Джейн Холлоуэй. Одну минуту. – Она указала девушке на ближайшую дверь. – Эми, давай поговорим об этом в пятницу после занятий, когда ты обдумаешь то, о чем я тебе только что сказала, хорошо?

Берген неловко переступил с ноги на ногу. Он чувствовал себя полным дураком – как он мог так глупо ошибиться? Она была профессором – конечно, она и одета была соответственно. Почему он ждал, что она будет выглядеть так, словно собралась в турпоход?

Ему вовсе не хотелось выглядеть идиотом при том, как важно было это собеседование. Но Джейн никак не выказала укоризны, и вообще – похоже, его ошибка ее только самую малость позабавила, поэтому у Бергена гора упала с плеч. «Надо будет всыпать как следует тому, кто забыл вклеить фотографию в ее досье», – решил он.

Холлоуэй резко обернулась и снова лучисто улыбнулась.

– Итак, доктор Алан Берген, о чем речь? Полагаю, что вы здесь для того, что постараться уговорить меня снова выйти в поле, – отрывисто произнесла она, собрав свои вещи с кафедры и отправившись к двери. Берген поспешил за ней, а она бросила через плечо: – Вы из ПУТ, ЕЛП или какой-то религиозной организации?

– ПУТ?

– Проект Устных Традиций. – Холлоуэй остановилась на пороге.

По инерции Берген сделал еще шаг вперед и чуть не налетел на нее. Холлоуэй скептически глянула на него.

– Не знаете, что такое ПУТ? Кто вы такой? Вы не лингвист?

Берген фыркнул.

– Нет. Я инженер.

Взгляд Холлоуэй стал встревоженным. Она посмотрела на Бергена так, словно у него рог посередине лба вырос.

– Инженер?

– Да. Аэроавтика. На самом деле я здесь в аспирантуре учился. А в этом здании всего один раз бывал до сегодняшнего дня.

– Чего вы от меня хотите?

Холлоуэй явно удивилась, но тронулась с места и торопливо зашагала дальше. Берген спустился следом за ней по нескольким лестничным пролетам. Холлоуэй остановилась только тогда, когда вошла в такой крошечный кабинет, что здесь у кого угодно мог случиться приступ клаустрофобии. Здесь был только один свободный стул. Словом, атмосфера к беседе никак не располагала.

Берген стиснул зубы. Он находился абсолютно не в своей стихии. Чем дальше, тем сильнее становились его подозрения в том, что начальство из НАСА нарочно устроило для него это маленькое задание ради какой-то хитрой проверки.

– Ну, не я лично, – ответил Берген. – Правительство.

Холлоуэй переложила стопку книг со второго стула на край письменного стола и жестом предложила Бергену сесть.

– Наше правительство не питает интереса к исчезающим языкам. Они и ныне существующим пользуются кое-как.

Берген расхохотался. Она решила пошутить? Но Холлоуэй так прищурилась, что эта мысль у Бергена сразу пропала.

– Да нет, думаю, что дело не в этом. Речь идет об уникальной возможности – о том, чего никто никогда не делал.

Холлоуэй села за письменный стол и наконец полностью уделила внимание Бергену.

– Ладно. Послушаем.

У Бергена не было никакого желания, чтобы его заперли в этой нанокмнатушке, но он не знал, как тихо закрыть дверь – мешала треклятая монстера в кадке. В коридоре было полным-полно студентов, которые могли невольно подслушать их разговор. Именно это волновало Бергена сильнее всего – как вытащить Холлоуэй в Хьюстон, не выдав при этом слишком много секретных сведений. А с тонкостью общения у него дело обстояло не очень.

Он указал большим пальцем за плечо.

– Почему бы нам не пойти попить кофе где-нибудь? Поговорим об этом в каком-нибудь более приватном местечке. По телефону вы сказали, что у вас найдется пара свободных часов.

Холлоуэй расправила плечи, положила ладони на стол и с любопытством посмотрела на Бергена.

– Позвольте кое-что прояснить. Вы – инженер-аэронавт и хотите побеседовать со мной наедине об уникальной возможности поработать на правительство США?

Берген скрестил руки на груди, прислонился к дверному косяку и пожал плечами.

– Ну да.

– Ваше удостоверение личности, сэр.

Берген растерялся.

Холлоуэй терпеливо, холодно и деловито ждала.

– Наверняка у вас есть какое-нибудь правительственное удостоверение.

Берген достал бумажник и стал искать карточку.

– ЛРД? НАСА? – спросил он и явно заинтриговал Холлоуэй. – Лаборатория Реактивного Движения, – расшифровал он, протянул собеседнице удостоверение личности и энергично кивнул. – Чем дальше, тем веселее.

Похоже, Холлоуэй осталась довольна. Она пару раз задумчиво постучала краем пластиковой карточки по столу, пытливо глядя на Бергена. Затем встала, взяла сумочку, решительно вытащила из нее связку ключей и прошла мимо Бергена, держа карточку так, чтобы он не смог до нее дотянуться.

Пройдя по коридору, Холлоуэй заглянула в соседний кабинет.

– Сэм? Я ухожу попить кофе с загадочным инженером. Если я к четырем не вернусь за его верительными грамотами, пожалуйста, воспользуйся этой карточкой для того, чтобы выследить убийцу.

С этими словами она закрыла дверь. Оттуда донесся приглушенный смех и шепот. Берген был совершенно сбит с толку.

Холлоуэй вернулась без карточки, но с теплой улыбкой.

– За руль сяду я.

В кофе она толк знала. В кафе было слишком много народа, поэтому они взяли кофе с собой, вернулись в ее машину и уехали. Холлоуэй выехала из кампуса и остановилась около «Стэнфорд Арборетум». Инстинкт ее не подвел. Рядом не было других автомобилей.

– Так на скольких языках вы разговариваете? – спросил Берген, предприняв попытку завести светскую беседу, когда они зашагали по заброшенной, заросшей тропинке.

– Я их знаю гораздо больше, чем большинство людей. А вы? – Она вздернула брови и заговорила с насмешливой интонацией.

– Некоторые стали бы утверждать, что инженерная терминология – особый язык, – парировал Берген в попытке пошутить. Не вышло.

Холлоуэй скривила губы.

– Я не из этих людей.

– Ну, если так, то мне знаком один-единственный язык.

Холлоуэй кивнула, уселась на ступеньку старинного мавзолея и сделала глоток кофе.

– Пожалуй, мне стоит извиниться за то, что я не сразу заметила ваше появление. Я просто отвлеклась. Моя самая перспективная студентка только что сообщила мне о своем решении переехать на другой край страны и родить детей, не получив научной степени.

– О, – произнес Берген и нахмурился.

От расстройства морщинки вокруг глаз Холлоуэй стали глубже.

– Возможно, это был переломный момент в ее карьере. Пан или пропал.

– Но может быть, у нее нет стимула.

Холлоуэй покачала головой.

– Чего у нее нет – так это уверенности в собственных способностях. Увы, этот недуг поражает большое число американок. Из-за этого они слишком легко делают выбор, о котором потом будут сожалеть. Много женщин работают у вас в ЛРД? Пятьдесят на пятьдесят?

Берген нахмурился, чувствуя себя неловко под вопрошающим взглядом Холлоуэй. Он слышал, как коллеги говорили о сложностях набора персонала, но никогда сам особо не задумывался об этом.

– А женщины, с которыми вы работаете, – они менее способны?

Берген посмотрел на Холлоуэй и понял, что она не ждет от него ответа.

– Ладно вам, доктор Берген. Тут никого нет на много миль вокруг. Думаю, можно прекратить пьесу «плаща и кинжала». Скажите мне, зачем вы явились и о чем хотите поговорить со мной сегодня.

Берген стоял перед ней и не знал, с чего начать.

– Ну, вы же понимаете, многое строго засекречено, поэтому мне придется попросить вас подписать договор о неразглашении, прежде чем я уеду.

Холлоуэй кивнула.

– Хорошо.

Бергену никогда не приходилось говорить о работе за пределами здания ЛРД – ну разве что на самые общие темы. Поэтому он решил сразу взять быка за рога.

– На некоторых фотографиях, снятых в 1964 году первым марсианским зондом, «Маринер-4», обнаружилось нечто неожиданное. В Большом Поясе Астероидов был замечен неизвестный объект. Он оказался внеземным звездолетом.

Берген немного помедлил, чтобы посмотреть, как отреагирует на его слова Холлоуэй. Похоже, она оказалась потрясена, но быстро овладела собой.

Берген инстинктивно потер затылок. Пиджак сдавил ему плечи и подмышки. Ему стало жарко, поэтому он снял пиджак и хлебнул кофе.

– На самом деле большого удивления это не вызвало. Один инопланетный корабль уже видели. На самом деле это моя работа – я возглавляю команду, которая изучает останки корабля, разбившегося в пустыне в тысяча девятьсот сорок седьмом году в Розуэлле.

Наверное, не стоило ему рассказывать ей об этом.

– С тех пор настоящая задача всех марсианских миссий заключается в том, чтобы получить как можно больше снимков этого корабля. Черт, да именно ради этого построили «Хаббл» – чтобы наблюдать за этим звездолетом. Мы называем его «Цель». Ну нет, конечно, помимо всего прочего, на Марсе брали пробы грунта, изучали атмосферу и так далее и тому подобное, но все до единой зонды, марсоходы и спутники оснащались самым совершенным фотографическим оборудованием своего времени в целях разведки.

Холлоуэй медленно кивнула. Она словно бы проглотила изложенную Бергеном информацию и запила большим глотком кофе.

Берген потер ладони.

– Людей, которые знают об этом, немного. Но думаю, вы можете себе представить, что у каждого, кто об этом знает, есть своя теория насчет корабля и того, зачем он здесь. Некоторые считают, что это передающая станция какой-то сети связи. Другие думают, что корабль предназначен для слежения за Землей с безопасного расстояния – из-за этого у всех развивается бешеная паранойя. Совсем немного таких, и я в их числе, кто считает, что корабль покинут экипажем. Вот что нам известно: за более чем шестьдесят лет непрерывного наблюдения «Цель» ни разу не двигалась с помощью собственного двигателя. Звездолет остается на устойчивой орбите без видимого внешнего вмешательства. Мы не зарегистрировали ни одного случая дозаправки.

Холлоуэй словно бы заинтересовалась и, похоже, ждала продолжения рассказа. Берген чувствовал, что говорит ей больше, чем следовало бы.

– Не один десяток лет существуют долгосрочные планы отправить экспедицию к «Цели». В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом никого туда отправить не могли. В то время мы еще даже не ходили по Луне – но я вам так скажу: из-за обнаружения «Цели» все завертелось быстрее. Забудьте о «холодной войне» и русских. Дело всегда касалось только «Цели».

Нужно было разработать, изготовить и освоить необходимую технику. Каждая катастрофа сильно отбрасывала нас назад – «Аполлон-1», «Челленджер», «Колумбия». «Цель» никуда не исчезала, поэтому и работа продолжалась. Ради того чтобы объяснить, о каких масштабах мы говорим, доктор Холлоуэй, Марс находится от Земли на расстоянии от тридцати до пятидесяти миллионов миль – в зависимости от того, как выстраиваются орбиты. В хорошие дни «Цель» отстоит от нас минимум на сто восемьдесят пять миллионов миль.

Холлоуэй вздернула брови.

– Вот-вот. И поскольку любая космическая экспедиция однозначно опасна, наше руководство не хотело, чтобы получилась гарантированная поездка в один конец. Поэтому они стали ждать. Но больше откладывать невозможно. Нужно отправляться сейчас.

– Почему сейчас?

Берген вздохнул и сел на ступеньку рядом с Холлоуэй.

– Один астроном из НАСА недавно обнаружил, что в направлении корабля летит астероид. У этого астероида необычная орбита, он отброшен силой притяжения Юпитера. Орбита Земли и «Цели» выстраивается в одну линию каждые двадцать восемь месяцев, поэтому у нас есть возможность сделать всего два выстрела – то есть у нас всего два «окошка» для старта экспедиции к «Цели». НАСА хочет, чтобы вы приняли участие в первой экспедиции – так называемой миссии Альфа, чтобы оценить ситуацию. Если потребуются, отправят вторую экспедицию, чтобы привязать «Цель» к одной из точек Лагранжа для дальнейшего изучения.

– А почему бы просто не подождать и не посмотреть, как те, кто находится внутри звездолета, отреагируют на приближение астероида? Разве тем самым не будет ликвидирована угроза?

– Угроза – это только часть общей картины. Мы имеем треклятый священный Грааль техники и знаний о том, что еще есть во Вселенной. Нам нужно отбуксировать эту штуковину на Землю и истратить не одну жизнь на ее изучение и разборку.

Берген пожал плечами. Он не скрывал энтузиазма.

Холлоуэй едва заметно улыбнулась и устремила на него пытливый взгляд.

– Что ж, история просто невероятная. Но скажите, при чем тут я? Зачем НАСА потребовались лингвисты? И почему я?

– Я полагаю, что необходимость лингвиста очевидна. Нам нужен кто-то, кто сможет попытаться наладить общение с теми, кто там окажется, – если там кто-то есть. А если никого не окажется – что ж, все равно будет нужно расшифровать и документировать новый язык. Главная задача состоит в том, чтобы подыскать лингвиста, имеющего настоящий опыт изучения незнакомых языков с нуля.

– Это называется монолингвальной полевой ситуацией – при таком сценарии нет общего языка, от которого можно было бы оттолкнуться. Такое случается достаточно редко. На Земле, по крайней мере.

Холлоуэй покачала головой и часто заморгала. Впервые за все время разговора она выказала недоверие.

– Вы – одна из очень немногих, кто занимался чем-то подобным раньше. В достаточно сложных обстоятельствах.

Холлоуэй сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

– Да. Было дело.

Она встала и пошла по тропинке.

Берген пошел за ней. Что-то переменялось. Настроение Холлоуэй стало другим. Атмосфера любопытства и насмешек развеялась. Теперь Холлоуэй стала серьезной, даже немного грустной. Она остановилась перед страшноватым мраморным монументом, окруженным ржавой чугунной оградой и россыпью битых черных и белых кафельных плиток. Скульптура возвышалась над Бергеном и Холлоуэй. Ее высота была около семи футов, а изображала она ангела, стоявшего на коленях перед погребальным алтарем. Крылья накрывали фигуру ангела, будто саван. Уронив голову на руки, он плакал. Бергену стало не по себе. У него неприятно закололо в затылке, и он не стал оборачиваться, когда Холлоуэй пошла дальше.

– На какой день попросить заказать вам билет на самолет? – крикнул он вслед ей.

Она остановилась и обернулась. Ее взгляд был полон изумления.

– Что?

– Билет до Хьюстона. Вам нужно явиться в Космический Центр имени Джонсона на собеседование. Вы – главный кандидат. Конкуренции практически не будет. Похоже, место за вами, правда.

Берген сунул руки в карманы. Не стоило ему так говорить, но это так и было, поэтому – какого черта?

– Я бы с радостью согласилась проконсультировать ваших специалистов отсюда, но я не тот человек, который нужен для этой работы. Я могу дать вам координаты нескольких экспертов, которые подойдут вам лучше.

Такой реакции Берген не ожидал.

– Вы ошибаетесь. У меня была возможность ознакомиться с досье других специалистов. Вы единственная, кто годится для этой работы. Только у вас соответствующий характер, талант и сила, которые для этого нужны.

Холлоуэй посмотрела на него скептически.

– Быть может, так все выглядит на бумаге...

Берген перестал скрывать раздражение.

– Послушайте. На поиски лингвистов потрачено несколько месяцев – мы ведь уже сотрудничали с целым рядом языковедов при осуществлении другого, похожего проекта. И ни один из них не способен сравниться с вами по природному таланту и опыту. Перестаньте прибедняться! Вы в своей специальности – проклятая ходячая легенда, а при этом лет вам сколько? Тридцать пять? Знаете, как мы вас называем в НАСА? Мы вас называем «Индиана Джейн».

Улыбка вернулась – но только на секунду.

– Ну ладно... Только я вас так называю. Но это правда, черт побери!

Холлоуэй негромко фыркнула и отвернулась.

Берген сделал большие глаза. Его предупредили – сквернословить при этой женщине не стоит.

– Прошу прощения. Вы были правы, предположив, что я провожу не так много времени в женском обществе. – Он глянул на Холлоуэй и решил больше не раздражаться. Но недовольства у него не убавилось. – Я не понимаю – почему вы не хотите? Вы уже повидали почти все уголки планеты, так почему не увидеть часть Солнечной системы и инопланетный корабль? То есть я-то думал, что у вас слюнки потекут – так вам захочется сесть в эту ракету!

– Вижу.

Это был уверенный результат наблюдения.

– Да, я так думал!

– А вы полетите?

Берген задумчиво потер шею.

– Зависит от разных вещей.

Холлоуэй прищурилась.

– От чего?

– На корабле пять мест плюс лингвист. Число кандидатов уже сокращено до двенадцати. Из ста восьми астронавтов. Нас до сих пор проверяют, устраивают всевозможные тесты, отбирают. Теперь настала очередь психологов. Окончательное решение будет принято в ближайшее время. Потом начнется обучение. У нас есть чуть больше года на подготовку.

Берген внимательно следил за Холлоуэй. За пару секунд выражение ее лица несколько раз изменилось. Не все реакции были Бергену понятны, но некоторые он определил. Во-первых – нерешительность. Во-вторых – жгучее желание. Это чувство Холлоуэй быстро спрятала, но Берген его успел заметить. Ей захотелось. Она хотела полететь.

Он улыбнулся ей медленно и лукаво, чтобы дать Джейн понять, что они – родственные души.

Взгляд Холлоуэй стал холодным. Она резко прошла мимо него.

– Мне очень жаль, что вы проделали такой долгий путь, доктор Берген. Я больше не намерена понапрасну тратить ваше время. Я довезу вас до вашей машины. Возвращайтесь к своей работе. Думаю, она действительно очень важная.

– Что?

Проклятье! Берген снова устремился вслед за Холлоуэй. Он никак не мог понять, что происходит.

Она ничего не отвечала и только быстро, размашисто шагала к автостоянке.

– Минутку!

Высоченные каблуки и узкая юбка не были созданы для быстрой ходьбы по усыпанной гравием дорожке. Холлоуэй покачнулась, и Берген подхватил ее под локоть. Она выпрямилась и не пожелала встретиться с ним взглядом.

– Что вас удерживает? Вы рождены для этой экспедиции.

Холлоуэй невесело рассмеялась. Пряди ее золотистых светлых волос начали выбиваться из аккуратной укладки.

Берген все еще держал ее под руку. Он сжал ее локоть.

– Для вашего маленького путешествия в Южную Америку наверняка потребовалась недюжинная смелость.

Холлоуэй вопросительно вздернула брови.

Берген беспомощно пожал плечами.

Она покачала головой, и ее волосы растрепались еще сильнее.

– Туда должна была отправиться не я.

Холлоуэй уже твердо стояла на ногах, поэтому Берген отпустил ее руку.

– Что? В вашем досье ничего об этом не сказано.

– Я изучаю языки, находящиеся на грани исчезновения, это правда, и по большей части занимаюсь остатками коренных племен Канады. Три года назад в Бразилию должна была отправиться не я, а одна из моих студенток. Она была идеальной кандидаткой – превосходно знающая языки, бесстрашная, всегда готовая к любым вызовам. Но она забеременела за две недели до отъезда. Проект получил финансирование. Работа была очень важная – так редко удается разыскать племя, настолько нетронутое современным миром. Мы понимали, что то, о чем мы там можем узнать, способно поколебать основы наших представлений о формировании языка в сознании человека. Мы надеялись, что полученные сведения перевернут наши идеи о лингвистической рекурсии, и все именно так и получилось...

Холлоуэй немного помолчала.

– Но она все равно хотела поехать. Она хотела... Я не могла ей позволить! И единственный способ удержать ее здесь, уберечь ее был такой: поехать туда самой. Вот почему я поехала. Обстоятельства вынудили меня. И я...

– И вы доказали то, что собирались доказать.

Холлоуэй пожала плечами.

– Да, но какой ценой? Стоило ли потерять несколько жизней, чтобы доказать, что какой-то старый педант не прав?

– Это была нелепая случайность.

Холлоуэй побледнела. Ее глаза гневно сверкнули.

– Нелепая случайность? Погибли люди. У них остались семьи – близкие, нуждавшиеся в них, зависевшие от них. Я не сумела это предотвратить. Я не смогла их защитить. Не смогла спасти.

Берген нахмурился.

– Это были взрослые люди. Они осознавали степень риска, когда давали согласие на участие в экспедиции – точно так же, как и вы.

Холлоуэй медленно покачала головой, и ее губы вытянулись в тонкую бледную линию.

– Послушайте. Я не какая-нибудь дикая искательница приключений. Я не та, за кого вы меня принимаете.

– Судя по вашему детству, можно сделать другие выводы, – чуть насмешливо произнес Берген.

– Здесь дело было в моих родителях, а не во мне.

С этими словами Холлоуэй снова порывисто зашагала к своей машине.

Берген озадаченно поспешил за ней. Он догадывался, что ему устроят по возвращении. Решат, что он отпустил какую-нибудь непристойность, из-за которой она отказалась. Решат, что он провалил стопроцентно верный, надежный вариант. Не оправдал доверия.

Когда Берген вышел из парка, Холлоуэй уже сидела в машине и двигатель работал. Он сел справа, и она выехала со стоянки. На этот раз она вела машину не так аккуратно и неторопливо, как раньше, а быстро и рискованно.

– Это страх? – спросил Берген негромко. – Потому что мы все... В смысле, это нормально...

– Нет.

Это был вынужденный ответ. Больше она ничего не сказала. Пришлось удовлетвориться этим. Холлоуэй припарковалась в кампусе. Она сидела за рулем и смотрела прямо перед собой.

– Меня спросят почему. Что мне ответить?

– Когда люди рискуют, они делают это по эгоистическим причинам, ради каких-то самооправданий. Они не рассуждают о том, каким образом их действия скажутся на других.

– На кого могут повлиять ваши действия, док? Мы изучали ваше досье. Нет ничего такого, чего бы мы не учили относительно вас. Все карты раскрыты. Вы разведены, у вас нет детей. С единственным родителем, который жив, вы не очень-то общаетесь, а бабушки и дедушки, у которых вы жили в отрочестве, умерли.

Холлоуэй опустила глаза.

Берген порылся в бумажнике в поисках визитной карточки. Холлоуэй молча взяла ее, и он вышел из машины. Машина успела нагреться под солнцем, и Берген не знал, что еще сказать этой женщине. Он уже собрался хлопнуть дверцей, когда в голову ему пришла последняя идея.

– Хотите, чтобы с вами все получилось как с этой девушкой, вашей студенткой? Чтобы потом жалеть? Или вы все-таки используете свой потенциал и совершите нечто совершенно потрясающее, что принесет пользу человечеству?

Холлоуэй ничего не ответила. Она только закрыла глаза.

Берген забрал свое удостоверение личности в здании университета и вспомнил, что ему было нужно, чтобы Холлоуэй подписала договор о неразглашении секретной информации. Когда он направился к своей машине, он заметил, что автомобиля Холлоуэй на стоянке уже нет. Она и здесь все испортила. Проклятье.

Берген проехал часть пути до Пасадены, когда у него зазвонил мобильный телефон. Звонила Холлоуэй.

Ее голос звучал холодно, формально, отрепетировано.

– Доктор Берген? Это доктор Холлоуэй.

Берген посмотрел в зеркала и решил пока не перестраиваться в другой ряд.

– Да, Берг слушает.

Холлоуэй кашлянула.

– Пусть ваши люди свяжутся со мной насчет договора.

Берген сел прямее.

– Так вы передумали?

– Я приеду в Хьюстон. Но пока я согласна только на это. И исключительно для того, чтобы удовлетворить мое любопытство.

3

Берген выругался.

– Простите, доктор Холлоуэй, но такое впечатление, что вы остались без работы, – язвительно проговорил Уолш.

Джейн только тут заметила, что затаила дыхание, и сделала выдох.

«По идее, я должна обрадоваться», – подумала она.

– Не делайте поспешных выводов, – выразила она свои размышления вслух. – Возможно, мы имеем дело с какой-то социальной традицией, которая для нас непонятна. Возможно, гостям полагается следовать вдоль цепочки огней в указанном направлении. Вероятно, это жест гостеприимства.

– Нечто наподобие красной ковровой дорожки, – предположил Гиббс.

– Думаете, где-то нас поджидают папарацци? – хмыкнул Берген.

Уолш покачал головой.

– Огни шлюзовой зоны, открытие шлюзовой камеры, освещение в коридоре – возможно, все это автоматизировано и сработало в ответ на наше приближение. Думаю, перед нами сценарий типа «корабль пуст».

Чутье подсказывало Джейн, что он ошибается. Кто-то здесь был. Джейн двинулась вперед, готовясь протиснуться в отверстие.

Берген скривил губы.

– И как это укладывается в полетный план общей гибели?

Уолш удержал Джейн:

– Погодите. Комптон... Есть ответ на наши радиограммы?

– Нет, командир. Нечем вас порадовать, – сухо ответил Комптон из кокпита.

Джейн сказала:

– Они поприветствовали нас. Они знают, что мы здесь. Я думаю – может, они ждут, чтобы мы...

– Побежали как крысы по лабиринту? – вздернув брови, осведомился Берген.

Джейн повернулась к нему, сердито сдвинув брови.

– Не судите о них, доктор Берген. Мы о них ничего не знаем. Подобными комментариями вы подрываете значение нашей миссии. Быть может, они наблюдают за нами прямо сейчас.

– Полагаете, они говорят по-английски, док? – сухо поинтересовался Берген.

Неужели они забыли обо всем, к чему их готовили? Джейн проговорила более резко:

– Мы ведь все это обсуждали. Ошибочно предполагать что бы то ни было. Мы должны помнить о том, что их цивилизация совершенно чужеродна. Они мыслят не так, как мы. Быть может, они боятся, что нас испугает их внешний вид. Они могут стесняться, смущаться – и могут хотеть понаблюдать за нашим поведением, прежде чем покажутся нам на глаза. Может быть сотня причин, которые я не в силах себе представить.

Уолш развернулся к носу капсулы.

– А я не думаю, что имеет смысл переживать из-за каких-то там «них», Холлоуэй. Их попросту нет. И наша задача в том, чтобы выяснить, почему это так.

Джейн скрипнула зубами.

Уолш оттолкнулся от стенки и полетел в сторону кокпита.

– Выждем некоторое время.

Берген посмотрел на табло какого-то прибора, который он держал в руках.

– Там есть давление. Около двенадцати пси. Мне следовало бы туда заглянуть и хотя бы взять несколько проб воздуха.

Уолш сказал:

– Нет. Воздержись пока.

– Но... – Джейн была готова начать спор, хотя понимала, что делать этого не стоит.

Уолш неловким пируэтом развернулся.

– Согласно протоколу данного сценария, вы работаете под моим началом, доктор Холлоуэй. Так что поступим по-моему.

С этими словами он продолжил диктовать очередную радиограмму в Хьюстон. Он рассказывал о подробностях всего, что увидел экипаж на данный момент.

В Хьюстоне был разработан до последних мелочей план на каждый случай. «Если случится это, тогда действуйте так». В зависимости от ситуации при встрече с «Целью» командование в тот или иной момент на себя должны были принимать либо Джейн, либо Уолш. Уолш не желал передавать ей бразды правления, не имея доказательств, что на борту инопланетного звездолета кто-то есть, и это было правильно. Джейн совсем не желала брать командование на себя, но она переживала за то, чтобы все было сделано верно. Первый контакт был деликатнейшей процедурой даже дома, среди людей. А тут все обстояло гораздо тоньше и рискованней.

Уолш следовал протоколу, утвержденному в Хьюстоне. Но в какой-то момент у Джейн возникли сомнения в том, что человеческая логика имеет здесь какое-то значение.

Джейн задержалась рядом с Бергеном в кормовой части капсулы. Берген всматривался внутрь инопланетного звездолета. Он приблизился к шлюзовому переходу, насколько мог, не рискуя вызвать недовольство Уолша. Берген явно нервничал. Он сверялся то с одним прибором, то с другим и по-разному закреплял их на поясе скафандра. Джейн даже через шлем расслышала приглушенный треск расстегиваемой «липучки».

– А где верх? – спросила она у Бергена.

Он постучал по ее шлему кончиками пальцев, затянутых в перчатку.

– Включите коммуникатор, док.

Проклятье. Она надеялась, что он услышит ее негромкий вопрос. Неужели каждое слово, каждое движение здесь должно было становиться достоянием публики? Ну, хотя бы собственные мысли принадлежали только ей. Она включила переговорное устройство.

– Где верх?

– Гм-м-м... – Берген задумчиво посмотрел на Джейн. – Я как раз об этом самом думал. При невесомости это значения не имеет. Однако нам все равно привычнее ориентироваться так, будто верх и низ существуют. Возможно, им тоже так привычнее.

Джейн кивнула – насколько позволял склонить голову жесткий скафандр.

– Ну хорошо. Вы – инженер. Что вы думаете? Где они разместили освещение – на полу или на потолке? Ведь других подсказок нет, правда?

– Трудно сказать, поскольку светильники расположены вровень с поверхностью. Так что возможны оба варианта.

– Замечание Гиббса насчет красной ковровой дорожки... Поэтому я подумала, что подсвечен пол. А вы?

– М-м-м. Хотелось бы мне туда проникнуть и сделать кое-какие замеры, но...

Берген обернулся и раздраженно посмотрел в сторону Уолша.

Уолш старательно игнорировал их беседу.

– А этот звездолет хоть чем-то напоминает корабль с «Территории пятьдесят один»?

– Тот крошечный в сравнении с этим. А больше мне пока не с чем сравнивать.

Джейн внимательно разглядывала гладкий материал, которым были выстланы стенки коридора инопланетного корабля. Цвет был унылый – не бежевый и не совсем зеленый и темнее, чем можно было ожидать увидеть по чисто психологическим причинам на межпла-

нетном корабле в глубоком космосе. Краска не отражала света. Но сам по себе коридор был просторным.

– Размеры словно бы рассчитаны приблизительно на людей, правда? Если бы нам пришлось конструировать звездолет такого масштаба, разве наши коридоры не были бы примерно такими по размеру и форме?

Берген задумчиво вздернул брови.

– Не совсем. Вам приходят на ум постройки на Земле, где существует сила притяжения и где люди стоят и ходят, выпрямившись во весь рост. Я бы ожидал увидеть для нас с вами что-то более скромное по размерам – из соображений экономии пространства и воздуха. А тут, судя по всему, от двух с половиной до трех метров от пола до потолка. Я бы спроектировал такое помещение так, чтобы высота потолка в коридоре была ближе к двум метрам или даже меньше.

Джейн была начеку. Она надеялась, что что-нибудь произойдет. Если звездолет управлялся минимальным экипажем, а пульт управления шлюзовой камерой находился далеко, хозяева корабля могли прибыть в любую минуту.

Странное ощущение, испытанное ею некоторое время назад, исчезло. Что это было? Какое-то физическое проявление страха? Она задумалась об этом, а потом подняла голову и увидела, что Берген пристально смотрит на нее.

– О чем думаете, док? – негромко спросил он.

– Я... Ну... я думала вот о чем. Когда мы открыли люк – у меня несколько минут было очень странное ощущение. А вы...

Из динамика переговорного устройства донеслось потрескивание разрядов статики. Берген и Джейн повернулись к остальным членам экипажа. На связь вышел Хьюстон. Зазвучал голос администратора НАСА, Гордона Бонэма.

– «Провиденс», говорит Хьюстон. Ваша радиограмма принята. В данный момент ожидаем получения видеозаписи. Наша рекомендация: действовать с осторожностью. Операция «Дельта Танго Униформ». Хьюстон сеанс связи закончил.

Джейн покачала головой. Послание было закодировано. Смысл его состоял в том, чтобы обследовать инопланетный корабль с оружием наготове – в ожидании враждебных действий со стороны пришельцев. Джейн не сомневалась: Уолш будет следовать этому приказу до последней буквы.

Джейн и Берген смотрели друг на друга с одинаковым скепсисом, пока экипаж выстраивался в цепочку друг за другом. На инопланетный звездолет должны были отправиться все, кроме Комптона, который должен был остаться охранять «Провиденс».

Уолш демонстративно протянул Джейн оружие. Она отказалась, как он и предполагал. Она всегда отказывалась от любых действий, связанных с применением оружия.

Джейн с трудом моргнула. Жужжание возобновилось, хотя на этот раз оно было тише и на него было чуть проще не обращать внимания. Но что-то в этом звуке раздражало Джейн. Прежде она ничего подобного не ощущала. Ни тогда, когда она пыталась вывезти своих коллег на каноэ в безопасное место в джунглях Амазонки – а они все страдали от лихорадки и голода, но должны были продолжать путь, несмотря на смерть проводника. Ни тогда, когда встречалась с гигантскими змеями и хищными насекомыми, нападавшими на спящих людей, ни тогда, когда набредала на поселения враждебных племен, которые запросто могли в качестве приветствия метнуть в чужого человека отравленный дротик. Даже в эти ужасные, отчаянные, мучительные мгновения она никогда не ощущала такого страха, мешавшего ясно мыслить.

Уолш и Гиббс разместились около перехода между двумя кораблями – шлюзовой трубы шириной в метр.

– Как бы вы назвали этот цвет, Джейн? Колотого гороха? Тускло-зеленый? Зелено-коричневый? Жутко уродливый, – заметил Гиббс и подмигнул Джейн, указав в сторону «Цели».

Джейн рассеянно кивнула. Она не смогла ответить на шутку Гиббса. А он слишком сильно волновался, чтобы обидеться.

Уолш оттолкнулся от стенки и полетел вперед, а через полсекунды то же самое сделал Гиббс. Джейн подтянулась ближе к переходу.

До нее донесся сдавленный крик: Уолш и Гиббс рухнули друг на друга на поверхности, усеянной зеленоватыми огоньками.

Значит, это был пол.

– Черт, – пробормотал Берген. Его голубые глаза засверкали. – Искусственная гравитация. Не ожидал этого.

– Правда? – спросила Джейн. – А я считала, что...

Вперед протолкался Комптон. Он подтолкнул Аджайю к переходу, повторив несколько раз:

– Уолш, Гиббс, докладывайте.

Тонкие черты лица Аджайи исказила тревога.

– Они без сознания. Это ясно. Им нельзя находиться там долго. Очень надеюсь, что обошлось без переломов.

Берген процедил сквозь зубы:

– Мы понятия не имеем, какова там сила притяжения. Даже если она равна всего одному G – на них скафандры весом двести тридцать фунтов. Им придется чертовски долго подниматься. А вот если гравитация больше одного G , то проблема посерьезнее. Мы пока что не знаем, можно ли дышать там воздухом.

Все пристально вглядывались внутрь инопланетного звездолета.

– Они так близко. Может быть, нам стоит попробовать втащить их обратно? – спросила Джейн у своих спутников.

Аджайя сдвинула брови.

– Попытаться можно, но боюсь, мы сами упадем и лишимся чувств еще до того, как сможем оказать помощь им. Давайте еще немножко подождем.

Уолш пошевелил рукой.

– Уолш, докладывай, – рявкнул Комптон.

– Фффххфф, – только и сумел выдохнуть Уолш, а потом простонал: – Черт тебя побери, Гиббс, слезь с меня.

Гиббс не реагировал.

Аджайя немного наклонилась вперед.

– Командир, вы ранены?

– Ранено только мое чувство собственного достоинства. Берген, ты это скрывал от меня? Это была твоя маленькая тайна, да? – прошипел Уолш.

Берген онемел.

– Для него это стало точно таким же сюрпризом, как для вас, – заступилась за Бергена Джейн.

– Ты что, помер бы, если бы для начала просто взял и бросил сюда что-нибудь? – прорычал Уолш.

– Что я туда, по-вашему, должен был бросить? – парировал Берген. – Вот этот прибор за миллион долларов или вот эту...

Джейн прижала затянутую в перчатку руку сбоку к лицевой пластине его шлема, и он умолк, но явно пылал гневом.

– О черт... Ничего себе мы долбанулись! – Гиббс внезапно вскочил на ноги. Его испуганное темнокожее лицо оказалось совсем близко от отверстия шлюзовой трубы, а в следующее мгновение он отлетел назад, к полу, и беспорядочно запрыгал. В какой-то момент он приземлился прямо на живот Уолша.

– У-у-у! – взвыл Уолш и пополз назад. – Сукин ты... Кто-то тут шутки вздумал шутить с показателями искусственной гравитации, а это совсем не смешно!

Берген подтянулся поближе. Он явно был заинтригован.

– Что там происходит?

– Есть такой аттракцион для детишек – «прыгучий домик», – ухмыляясь, отозвался Гиббс. Он выпрямился и сделал несколько неуверенных, пружинящих шагов к отверстию переходной трубы. Его улыбающаяся физиономия запрыгала вверх и вниз перед отверстием. Он дал знак Комптону. – Ха! Иди сюда, Попс. Расскажи нам, так ли это, как было на Луне.

Комптон, всегда сохранявший доброе расположение духа, смешливо фыркнул. Он ни разу не участвовал в экспедициях на Луну, а в программу подготовки астронавтов попал на исходе «лунной» эпохи.

– Все хорошо, Рональд? – спросила Аджайя.

– Да нормально, нормально. – Гиббс негромко рассмеялся и, обернувшись, посмотрел на Уолша, который в этот момент поднимался на ноги. – Уолш смягчил мое падение. Когда мы с ним наверху, мне показалось, что было намного больше одного G. А сейчас чувствуется, что стало намного меньше. Все изменилось мгновенно.

Гиббс многое знал о смене силы притяжения. За время своей карьеры он трижды побывал на Международной Космической Станции.

– Хм, – пробормотал Берген, глядя внутрь корабля инопланетян и скользя взглядом из стороны в сторону.

«Наверное, пытается сообразить, что это означает с точки зрения техники», – подумала Джейн.

– Почти наверняка они за нами наблюдают, – прошептала она, повернувшись к Бергену. – Они точно так же не знают, чего ожидать от нас, как мы – от них. Как только они заметили, что такая гравитация для нас непривычна, сразу изменили параметры. Это был жест дружелюбия.

Берген выглядел взбудоражено.

– Либо так, либо им нравится с нами играть.

Гиббс перестал улыбаться.

– Мне идея Джейн больше нравится.

– Мне тоже, – сказала Аджайя. Она парила в воздухе у самого края переходной трубы, будучи в полной готовности скользнуть вперед, если товарищам понадобится ее помощь. – Командир, мы двинемся вперед или перегруппируемся.

Уолш с мрачным видом развернулся к переходу и поднял руку с оружием.

– Вперед.

Один за другим они скользнули в трубу переходного шлюза и стали перемещаться дальше по коридору. Двигались осторожными прыжками – как дети, впервые оказавшиеся на батуте. Джейн обрадовалась ощущению силы тяжести, хотя эффект был очень слабым. Она почувствовала, как длинные мышцы ног вытягиваются так, как это возможно только при наличии гравитации. Ей так хотелось выбраться из скафандра, чтобы испытать это чувство целиком.

Она двигалась немного неуверенно, у нее чуть заметно кружилась голова, из-за этого было трудно шагать прямо, но это было вполне ожидаемо после столь долгого пребывания в невесомости. Не так было плохо, как могло быть. Ей говорили, что у некоторых астронавтов бывали сложности с ходьбой, поворотами, фокусировкой глаз.

Гиббс замер перед Джейн, скорчил рожу и шутливо отдал честь Комптону.

– Пусть мотор работает, огни родного дома горят, и все такое прочее, Попс.

Комптон торжественно поднял левую руку. В правой руке он держал оружие.

Они добрались до конца первого отрезка коридора, и он пошел вбок под углом в сорок пять градусов. Когда Уолш поравнялся с этим местом, на следующем отрезке коридора один за другим зажглись огни. Стали видны двери, по обе стороны коридора Джейн насчитала пять дверей на протяжении ближайших тридцати ярдов. Каждая из этих дверей была шире и выше, чем потребовалось бы для человека. Просветы были закрыты толстыми горизонтальными перекладинами.

– Кто-нибудь еще чувствует себя Гензелем и Гретель? – пошутил Гиббс.

Берген сделал большие глаза.

– Крошки склевали птички.

– А разве Гензеля и Гретель не пыталась съесть злая колдунья? – спросила Аджайя.

Она тут же осознала, что шутка неудачная, и устремила на Джейн умоляющий взгляд. – Я на этих сказках не выросла, ты же понимаешь.

Уолш, не обращая внимания на разговор о сказках, дал знак Джейн и указал на стену.

– Доктор Холлоуэй, это по вашей части.

Рядом с первой дверью, с которой поравнялся Уолш, на стене, на уровне глаз, были видны два геометрических символа. Джейн подошла ближе, чтобы лучше рассмотреть эти значки, и засняла их с помощью цифрового фотоаппарата. Знаки выглядели стилизованными, они были вдавлены в гладкую поверхность стены. Что-то подсказывало ей, что это не просто какие-то служебные обозначения.

– Таких символов не было среди тех, которые были найдены на обломках корабля, разбившегося в Нью-Мексико, – сказала Джейн. – Но судя по тому, где эти знаки нанесены, пожалуй, можно предположить...

Она осторожно прикоснулась к верхнему значку, и створка двери беззвучно поднялась к потолку.

Уолш прошел мимо Джейн, приняв чисто военную позу, с оружием наготове. Как только он пересек порог, в помещении зажегся свет. Комната походила на пещеру, разделенную на секции высокими, от пола до потолка, стеллажами, на которых рядами стояло нечто наподобие больших пластиковых ящиков. Похоже, тут располагалось что-то вроде кладовой.

Гиббс тихонько присвистнул, и этот звук разнесся по системе связи. Получилось немного страшновато.

– Проклятье. Слово «грузоподъемность» приобретает совсем другой смысл.

Уолш сделал несколько больших, уверенных шагов по проходу. Остальные выстроились следом за ним. Уолш взгляделся в значок, нанесенный сбоку на ящике, и поманил к себе Джейн. Джейн сфотографировала ящик.

Берген обследовал ящик с помощью небольшого шумного прибора.

– Радиоактивности нет.

– Наружная поверхность контейнера не радиоактивна, – поправил его Уолш.

Берген округлил глаза.

Гиббс пошел по соседнему проходу, внимательно разглядывая значки на контейнерах.

– Джейн? Я все правильно вижу? Значки на всех ящиках одинаковые?

Джейн короткими прыжками поравнялась с Гиббсом. Она немного прошла с ним по проходу, рассматривая символы.

– Да, – подтвердила она. – Все символы одинаковые. Я, конечно, понятия не имею, что это значит, – добавила она на тот случай, если от нее ожидали какого-то чудесного озарения.

– Пока.

Они с Гиббсом повернулись и направились к остальным участникам экспедиции. Уолш прошел дальше в глубь кладовой. Берген и Аджайя держались ближе к выходу.

– Поглядите-ка, – пробормотал Берген.

Джейн повернулась к нему как раз в то самое время, когда он прикоснулся кончиками пальцев к углублению в стенке ближайшего контейнера и приподнял крышку.

– Доктор Берген! – воскликнула Аджайя.

Гиббс скорчил испуганную гримасу.

– Берг, старина, Уолш будет не в восторге от этого.

Берген, не обращая на него внимания, осветил фонариком внутрь контейнера и пово-
дил там счетчиком Гейгера.

– От чего Уолш не будет в восторге? – прогремел в динамиках интеркома голос Уолша.

Джейн обернулась и увидела, что по проходу к ним быстро движется Уолш.

Джейн была вынуждена согласиться. То, что лежало в контейнерах, никому из них не принадлежало. Никто не предлагал им разглядывать содержимое. И все же она разделила любопытство Бергена и приблизилась к нему, чтобы тоже заглянуть в контейнер.

Берген осторожно приподнял один угол ящика. Лежавшие внутри тусклые кристаллы песочного цвета сползли в сторону.

Джейн брезгливо наморщила нос. На ум ей пришел кошачий лоток.

– Какая-то минеральная руда? Добыча полезных ископаемых? – пробормотал Берген, успевший поместить маленький кристаллик в пластиковую баночку, а баночку – в прозрачный пакет.

Уолш налетел на него.

– Берген, черт бы тебя побрал!

Берген не стал оборачиваться.

– Расслабься. На этом контейнере уже была сбита пломба. На нас ничто вредное не подействовало. Мы все в скафандрах. Вещество не радиоактивно.

– Для нас не просто так составлены протоколы. Нарушишь хоть один пункт еще раз – и до окончания экспедиции будешь сторожить капсулу.

Берген поджал губы и сердито посмотрел на Уолша.

– Принял к сведению.

По знаку Уолша все строем вышли из кладовой.

Оказавшись в коридоре, Джейн обернулась и еще раз рассмотрела значки на стене около двери. Она прижала пальцы к верхнему символу, чтобы проверить, закроется ли дверь при повторном нажатии. Ничего не произошло. Тогда Джейн прикоснулась к нижнему значку. Дверь с шипением и еле слышным стуком закрылась.

Несколько секунд Джейн не убирала пальцы со значка, сохраняя мысленную связь между изображениями и понятиями «открыто» и «закрыто». При этом она также попробовала отыскать скрытые соответствия с другими языками. Это было отработанное мыслительное упражнение.

Внезапно она увидела значение изображений. Испуг пробудил жизнь в ее сознании – «открыто» и «закрыто»... а отпиралась дверь откуда-то извне.

Джейн попятилась назад и оступилась. Она села на пол у ног Гиббса.

– Джейн?

Гиббс взял ее под руку и помог подняться. Она пошатнулась, не спуская глаз с символов, которые теперь означали гораздо больше.

Она обрела способность заглянуть внутрь их, как в голограмму.

Открыто... простор, зияющая бездна... как открытая рана, поднимается вверх и раскрывается, разворачивается... расширяется, звезды и свет... общаются... вечно, без конца.

Ком сдавил горло Джейн.

Она опустила глаза ниже. Новый опыт.

Закрито... барьер, блок... тесное укрытие... спрятаться, запереться... духота, темнота... недостижимо... давящее... смертельно опасное, ограда, ловушка, конец... Конец?

Она поежилась и отвела взгляд.

– Джейн, в чем дело?

К ней приблизился шлем Бергена, а она прижалась спиной к Гиббсу.

Она зажмурилась. Она дрожала всем телом. Неужели они не видели всего этого?

Возобновилось жужжание, стало громче. Возникло отчетливое ощущение вибрации и движения. Головной мозг Джейн запульсировал в ответ.

Ее руки и ноги отяжелели, налились свинцом. Ей хотелось лечь.

Она чувствовала себя как будто пьяной.

Она вспомнила, как впервые в жизни познала невероятную ясность восприятия. Пчелы... К ней возвратились воспоминания.

Контроль над собой исчез. Она стала просто наблюдательницей.

Тогда ей было девять лет. Тогда они жили в Белизе. В тот день не приехали громыхающие ржавые автобусы и не привезли туристов, жаждущих побродить по горным тропам. Выдался редкий свободный день.

Джейн отогнала от себя какую-то ленивую мошку и отвела взгляд от потрепанной пожелтевшей книжки в бумажной обложке, которую по рассеянности забыла здесь высокая немка. Эту книжку сочинил какой-то человек по фамилии Саган, и была она про умную и любознательную девочку – совсем такую, как она.

Ей было скучно. Скоро должен был хлынуть ливень – как всегда в это время дня, и придется сидеть в домике до вечера – читать или играть в шахматы.

Куда подевались ее родители? Наверное, лежат где-нибудь под деревом и весело хохочут. Джейн тяжело вздохнула. Она не любила, когда ее оставляли одну, но если она закричит, родители вернутся и прочтут ей нотацию насчет того, что не надо кричать «Волки!».

Она сидела в дверном проеме на пыльных потертых досках и водила кончиком пальца по широким трещинам, сглаженным годами. Ей показалось, что послышалось тихое «киоу» – а это значило, что где-то поблизости на ветке сидит кетцаль. Джейн взяла бинокль и стала взглядом разыскивать в густых ветвях птицу с красной грудкой и длинным блестящим зеленым хвостом. Потом она опустила бинокль и поискала в кустах своих бродячих родителей. Кусты пошевелились – но то была корова.

Родители говорили, что хотят родить ей братика или сестричку, чтобы ей было не так скучно, но они говорили об этом уже очень давно, но пока этого не случилось. Джейн не понимала, что тут такого сложного. И зачем для этого папе с мамой надо оставаться наедине? Она же много раз всякое такое видела, когда они думали, что она спит. А она потом дразнила их и говорила, что они смешно кричат – совсем как обезьяны, за которыми она наблюдала.

Джейн перевела взгляд на прозрачную бутылку гуаро, которую отец и мать хранили на высокой полке. Напитки для взрослых, секс для взрослых, множество всякой взрослой чепухи – все это были разные глупости, которыми родители не желали с ней делиться. Джейн придвинула стул к единственному шкафчику, висевшему на стене, и дотянулась до едва початой бутылки. Она им покажет. Она налила жидкость в свою маленькую пластиковую чашку и попробовала на вкус.

У-у-уй. Ужасная дрянь. Но жидкость приятно согрела горло. Интересное ощущение, правда. Джейн закашлялась. Второй глоток она сделала более осторожно, потом еще один. Жидкость оказалась сладковатой и терпкой. Было похоже на острую пищу, и Джейн это понравилось.

Она решила, что уже достаточно взрослая. Потом она включила радио. Мама любила танцевать под музыку марьячи, когда выпивала эту дрянь. К тому времени, когда в домик, обнявшись и улыбаясь, вошли отец с матерью, Джейн тоже улыбалась и тихонько напевала.

Напев. Жужжание. Вибрация.

Оно чего-то хочет.

Голоса пробились к ней и выдернули ее из забытья, вызвали ее обратно, к Аджайе, Бергену, Уолшу и Гиббсу, столпившимся около нее.

Джейн спросила у них:

– Теперь вы видите эти значки? Слышите пчел? Чувствуете, как они движутся? Чего они хотят?

– Она бредит, – тихо проговорила Аджайя. – Стресс...

– Она спасла жизнь двум мужикам на треклятой Амазонке, когда сама страдала малярией, – так что никакой это не стресс, – прорычал Берген.

– Мы все знакомы с ее досье, Берг, – сказал Уолш ворчливо, по обыкновению.

– Она уже давно толком не высypалась, – сказал Гиббс.

– Как и все мы, так что заткнись! – рявкнул Берген.

– Дело не во мне. Что-то в этом корабле... Я сражаюсь...

– Сражаешься с чем, Джейн?

Она сдавленно рассмеялась.

– С пчелами? Я не знаю. Я...

Нет. Она бы так ни за что не сказала.

Что, если она даст им то, чего они хотят? Могла ли она их умилостивить? Джейн неуверенно смотрела на встревоженные лица коллег и не знала, как быть.

«Полнейшее безумие. Мне это снится?»

Выбора не было. Она закрыла глаза и снова возвратилась туда и переместилась в свое детское сознание, но взглянула на детский мир взрослыми глазами.

Отец и мать испуганно посмотрели на нее.

Мать подбежала и взяла ее на руки.

– Джейни, что происходит?

Она прыснула со смеху и зашлась истерическим хохотом. Потом начала прыгать у матери на руках и схватила ее за плечи. У нее кружилась голова – так, будто она долго вертелась на месте, и это была такая радость, радость, радость. Неужели мама с папой не могли этого понять?

– Я танцую. Давайте танцевать!

– Кевин, выключи радио.

Ой-ой-ой... Серьезные голоса. Джейн замерла и уставилась на мать.

– Почему ты ругаешься на папочку?

– Не ругаюсь. Джейн, ты выпила это?

Мать указала на чашку и бутылку гуаро. Отцу, похоже, стало плохо. Он взял бутылку и рухнул на стул.

– Ха-ха – вы злитесь из-за того, что я попробовала вашу взрослую водичку! Мне понравилось! Вкусненькая. В следующий раз, когда поедем в город, хочу купить сок. Наверное, будет еще вкусней, если их смешать!

Мать была в ужасе.

– Джейн, детям нельзя это пить! Тебя скоро вытошнит.

Но ничего такого с ней не случилось. Ей по-прежнему было хорошо, только спать захотелось. Она уютно устроилась на коленях у отца. Мама и папа продолжали говорить, как

это плохо, но она им не верила. Она заснула, а проснулась позже и услышала, как родители разговаривают. Услышала – но виду не подала. Лежала полусонная и слушала их голоса.

– Вылей это, Хэйли, – тихо проговорил отец.

– Кев, не стоит, – ласково произнесла мать.

– Ей понравилось, – хрипло сказал отец.

– Ей всего девять. Ей нравится все новое. Она забудет об этом.

– А вдруг нет? А вдруг...

Отец крепко сжал руку матери.

Мать заговорила очень тихо, почти шепотом, но взволнованно:

– С ней не будет так, как с твоей мамой, Кев. Мы не дадим такому случиться.

– Нет. Вылей. Нет... Нет.

Джейн услышала, как за дверью льется жидкость на пыльную землю. Потом снова раздался голос матери:

– Знаешь, что я думаю... Нам надо переехать. Найти какое-то место, где будет школа, где будут детишки ее возраста, чтобы она могла с ними играть. Те шведы на прошлой неделе говорили насчет плавания с маской и трубкой на коралловых рифах в Австралии. Мы скопили немного денег. Мы с тобой оба телохранители, мы могли бы себе это позволить. Они сказали, что там настоящий тропический рай. И жизнь не такая дорогая – так они сказали.

– Джейн там не выучит еще один иностранный язык.

– От местных жителей – нет. Но с ней любят разговаривать туристы.

Отец ласково поцеловал макушку Джейн.

Ей было тепло и спокойно у него на руках. Ей хотелось, чтобы это никогда не кончилось.

Прежде она никогда не вспоминала этот эпизод – тем более в таких подробностях. Это был подарок судьбы. Но ей так захотелось крепче обнять отца, вернуть его, сказать ему то, о чем она не могла сказать, будучи ребенком, предупредить его, что в Австралию ехать не надо.

Ей хотелось все изменить. Ей до боли хотелось спасти отца.

А потом родители умолкли, и она снова заснула.

Воспоминания растаяли.

Но она осталась там.

Какой в этом был толк? В этом безмолвии не было покоя. Только боль и разрывающее сердце одиночество.

Джейн выкрикнула в зияющую тишину, царившую в однокомнатной хижине:

– Ты этого хочешь? Хочешь сделать мне больно?

– *Нет*, – негромко прожужжал тихий голос.

Он звучал не в комнате, не рядом с Джейн. Он звучал у нее в голове.

Она вздрогнула от испуга. Мать и отец ушли. Она больше никогда не сможет их вернуть. От этой мысли у нее до боли сдавило грудь.

Она стояла посередине комнаты, одетая в оранжевый скафандр. От двери к джунглям тянулся фал. Она слышала хриплые крики обезьян-ревунов, они становились все громче. К территории, где обитали обезьяны, приближалось нечто такое, что им не нравилось.

Джейн это тоже не нравилось.

Она огляделась по сторонам. Все те же стены из толстых досок, выкрашенные в тускло-бирюзовый цвет, и тот же самый грубо сработанный деревянный стол, и те же разномастные расшатанные стулья, и продавленная кровать на колесиках, с соломенным матрасом. И даже с бока маленькой пластиковой чашки ей улыбалась та же самая Радуга Брит⁹.

Слезы защипали глаза Джейн. Она сдержалась, не стала плакать – сморгнула слезы.

---

⁹ Радуга Брит – героиня американского мультфильма «Королева радуги и похититель звезд» (1985).

– Покажись.

– К сожалению, не могу, доктор Джейн Холлоуэй.

Она вздрогнула.

«Оно знает мое имя?»

Голос был гулкий, вибрирующий – казалось, говорит мужчина. Но Джейн понимала, что такие заключения делать ошибочно. Звучание голоса вызывало вибрации у нее в голове, и это казалось странно.

Потому, что ее это не только пугало. Ей это нравилось.

– Почему?

Она услышала злость в собственном голосе. Проклятье. Она взяла себя в руки и сердито выдохнула. «Сохраняй спокойствие, Джейн».

– Все очень просто. Моя форма будет неприемлема для среды вашего восприятия.

Что? Что это могло означать?

Она выпрямилась как стрела и требовательно спросила:

– Что тебе нужно от меня?

– Нам обоим что-то нужно. Тебе нужно что-то от меня.

– Я... Мы...

Гулкий голос прервал ее, наполнил ее голову и прогнал все остальные мысли.

– Это будет взаимовыгодный обмен, доктор Джейн Холлоуэй. Вам нечего бояться. Можете изучать все, что хотите. Газовый состав воздуха и сила притяжения отрегулированы в соответствии с требованиями вашего вида. На меня подобные изменения не действуют. Пища имеется в достатке, как вы уже успели уяснить. Есть горизонтальные платформы – вот такие, где вы можете отдохнуть. Ваше путешествие было долгим, изнурительным, примитивным. Теперь оно закончено. Вы дома.

– Но где экипаж? На корабле такого размера должен быть экипаж!

– Они... ушли давным-давно. Есть только я. А теперь еще вы.

Джейн почувствовала что ее собеседник исчезает. Жужжание пошло на убыль. Она сосредоточилась и пожелала, чтобы оно осталось.

– Что происходит? Почему ты ведешь себя так загадочно?

– Теперь я дам тебе отдохнуть. Ты слишком слаба.

Отчаяние заставило Джейн поторопиться.

– Минутку! Постой!

– Да? Тебе нужно что-то еще, доктор Джейн Холлоуэй?

Она заморгала и произнесла более спокойно:

– Кто ты? Где ты? Кто ты?

– Этот разговор возобновится более оптимально, когда необходимая ментальная связь будет установлена более качественно. Со временем, на фоне повторения сеансов связи нам станет общаться легче, и наше общение не будет вызывать у тебя дискомфорт и огорчение. Так будет благоразумней, доктор Джейн Холлоуэй. Я только хотел избавить тебя от волнения и сообщить тебе, что ты в безопасности. Этого достаточно. Теперь я тебя покидаю.

– Нет. Пожалуйста! Не уходи! Я... У меня еще есть вопросы...

Она умолкла.

Оно... или он?... ушел. Исчезло жужжание. Она снова осталась одна.

Она подошла к шкафчику и открыла его. Внутри все оказалось в точности так, как она помнила, но теперь она могла дотянуться до полок, не вставая на стул. Она увидела упаковку молотого кофе, муку, рис, бобы, сало, маленький бумажный пакет с корнеплодами и несколько желто-коричневых бананов. Она медленно попятилась назад, улеглась на кровать и провела пальцами по мягкому выношенному пледу, который ее мать привезла из Миннесоты.

Она опять стала маленькой? Скафандр исчез. Она поплыла, погрузилась в сон.
А потом она рывком приподнялась и села. Как она могла повести себя как невежа?
Она даже не спросила, как его зовут.

4

– С чем ты сражаешься, Джейн? – встревоженно спросил Берген.

Он тряс ее за плечо, но она отключилась. Лишилась чувств.

– Рональд, приподними ее ноги, – распорядилась Аджайя.

Гиббс присел на корточки и уложил ноги Джейн себе на плечо.

Берген проверил показатели на нагрудном дисплее скафандра Джейн. Похоже, скафандр функционировал нормально.

– Мне нужно провести диагностику начинки ее костюма, – сказал Берген. – Возможно, у нее гипоксия. Дайте мне лэптоп.

Гиббс передал ему лэптоп, и Берген быстро подключил его к модулю системы жизнеобеспечения скафандра Джейн.

– У нее нет цианоза, Алан, – сказала Аджайя, осторожно повернув шлем Джейн и посветив внутрь его фонариком. – Частота дыхания сейчас нормальная. Давай дадим ей минутку. Думаю, это просто паническая атака.

Берген старался управлять своими движениями и спокойно нажимать на клавиши пальцами в толстенных перчатках. А внутри у него полыхал гнев.

– Паническая атака? Почему именно сейчас? Почему не при взлете? Почему не во время приближения к «Цели» или не тогда, когда мы открыли треклятый люк? Почему она вздумала закрыть эту дверь и тут же ни с того ни с сего у нее грянула паническая атака?

Аджайя нахмурилась и бросила взгляд на Уолша.

– У нас на это нет ответа.

– Что? Думаешь, она солгала в Космическом Центре? Или еще каким-то образом их одурачила? Да она даже не хотела лететь! Я... мы ее уговорили. Она вообще не способна врать, Аджайя. Уж тебе-то это теперь должно быть известно.

Берген оторвал глаза от лэптопа. Уолш и Аджайя обменялись понимающими взглядами.

– Что? И ты согласен с этой чушью?

Уолш сдвинул брови.

– В данный момент нам известно одно: она вырубилась. Пусть Аджайя ее осмотрит.

– Мне нужно закончить диагностику оборудования ее скафандра, – процедил сквозь зубы Берген.

Уолш отправил Гиббса осмотреть коридор поблизости, чтобы убедиться, что они тут по-прежнему одни, и опустился на колени на месте Гиббса. С бесстрастным видом он стал наблюдать за тем, как Берген и Аджайя трудятся над Джейн.

– Берген.

Берген ничего не ответил и проверил еще один комплекс показаний, мысленно ругая на чем свет стоит неудобные перчатки, мешавшие работе с клавиатурой. Будь он без перчаток или будь они потоньше, он бы давно закончил свою работу. Жаль, не он сам их конструировал. Но он не мог делать все.

– Берг.

– Что? – отозвался он раздраженно и наконец повернул голову, чтобы встретиться взглядом с Уолшем.

Маска дисциплинированного вояки исчезла, сменилась взглядом, наполненным пониманием серьезности случившегося – но лишь на миг.

– Держи себя в руках, – сказал он и с намеком глянул на Джейн, Аджайю, после чего указал глазами в ту сторону, куда удалился по коридору Гиббс.

Берген удержался от ехидной ремарки и сосредоточил взгляд на дисплее. Он постарался придать чертам лица хладнокровие. Уолш все заметил. Он выдал больше, чем хотел. В панике он забыл о том, что у него все отражается на лице. Уолш понял, что он не отреагировал бы таким образом, окажись в обмороке Комптон, Гиббс или Аджайя. Черт побери.

Но какое значение это имело теперь? Ему все удалось – он прошел все испытания и доказал, что является не просто надежным, но и ценным участником экспедиции. Он был на своем месте и не собирался никуда исчезать.

Но если Уолш о чем-то догадался, могли догадаться и другие. Гиббс был болтуном. А Аджайя запросто могла повести себя по-бабски в окружении такого количества мужчин. Они все испортят. Они скажут ей.

Проклятье! Он не хотел ничего менять. Пока – нет. Он не был готов. Сначала они должны закончить эту работу и вернуться домой. До этого еще несколько лет, и нужно в буквальном смысле остаться в живых, чтобы это произошло. А к тому времени он... она... может быть, что-то могло получиться.

– Если бы это был просто обморок, она бы уже очнулась, – скованно произнесла Аджайя. – Возможно, у нее гипогликемия или тяжелое обезвоживание, а может быть, изменился баланс электролитов из-за жидкостного перепада вследствие появления силы притяжения. Я ничего не могу определить. Я ничего не могу для нее сделать, если мы ее не извлечем из скафандра.

– У тебя достаточно проб воздуха для анализа? – спросил у Бергена Уолш.

– Да.

Уолш бережно подвел руку под спину Джейн и, охнув, поднял ее с пола.

– Разойдитесь.

За время подготовки на этапе отбора в Хьюстоне, когда выдавалась свободная минута, Берген не раз перечитывал досье Холлоуэй и в итоге практически запомнил его наизусть. Он издали наблюдал за ней, но с того дня, как она приехала в космический центр имени Джонсона, совсем не имел к ней доступа. Руководство было убеждено, что он чуть было все не испортил, поэтому его к Джейн не подпускали.

До него доходили слухи о том, что большие шишки ее обхаживают со всех сторон, а она оказалась крепким орешком. Словом, она всем, что называется, давала прикурить.

А он не мог выбросить ее из головы. Сам не знал почему. Она не была особенно красива, хотя улыбка у нее была чудесная. Скромница Джейн – в этом он хмуρο пытался убедить себя. Она была совершенно не его типа. Чопорная, неприступная, строгая и умная.

Ему нравились веселые и спортивные девушки, которые могли с ним отправиться на пробежку в шесть утра, которые в свободный день легко соглашались на импровизированный поход в горы или виндсерфинг. Безусловно, ни одна из таких девушек не была ученым-ракетостроителем, но он уже успел отказаться от поисков подруги жизни, наделенной умом, которым он мог бы по-настоящему восхищаться, – но не сказать, чтобы он прилагал к этому поиску такие уж большие усилия. Может быть, он был уже слишком стар для того, чтобы зависать в университетских барах и флиртовать с девицами, у которых на уме было только веселье.

Берген присутствовал на заседании «мозгового центра» по планированию, когда его вызвали. Он ждал плохих новостей. Ходили слухи, что вот-вот сообщат имена тех, кто войдет в пятерку, и Берген нервничал. Он сделал все, что мог, чтобы показать свою квалификацию, пройти все тесты, но боялся, что этого будет недостаточно. Он пытался свести к минимуму восприятие комиссией его самых отрицательных личных качеств. Он знал, что его характер может стать проблемой, но свою репутацию он уже заработал и теперь ничего не мог поделать, чтобы это изменить.

Психологические тесты были отвратительны, а порой – почти нелепы. Руководство желало удостовериться, что для полета не будет отобран кто-то, кто сломается под грузом скуки и тесноты. Берген это понимал и решил все вытерпеть и сохранять спокойствие.

Он даже не удивился, когда его засунули в аппарат МРТ и начали бомбардировать всевозможной графикой и разными тревожными изображениями – наверное, это был способ определения уровня либидо и сексуального аппетита. Руководство не могло рисковать – что было бы, если бы в тесном корабле в экспедицию продолжительностью два года вместе с пятью другими членами команды отправился похотливый извращенец?

Это было три дня назад. А теперь его одного неожиданно вызвали в маленькую переговорную комнату – без предупреждения и объяснений. Берген сделал вывод, что начальство решило смягчить удар и сообщить отказникам о результатах отбора заранее, до общего объявления. Берген приготовился к этому варианту и решил никому не показывать своего разочарования.

Но в дверь со смущенной улыбкой вошла Джейн Холлоуэй.

– Привет, доктор Берген, – проговорила она, подняв руку и пошевелив пальцами.

На этот раз она была одета более неформально, но все равно предельно аккуратно и подтянуто. Ее волосы были распущены и модно подстрижены.

– Я слышала, что собрание прервали. Надеюсь, ничего особо важного не произошло. Я собралась в первый раз увидеть космическую капсулу и попросила, чтобы вам разрешили пойти со мной.

Берген с облегчением улыбнулся.

– Значит, слухи не врут? Вы подписали бумаги?

– Только что. Да.

Голос Джейн звучал решительно, но все-таки она явно была не уверена в себе.

– Что вас сподвигло? Что заставило в итоге согласиться?

Джейн не удержалась от смеха.

– Мне сказали, кого возьмут, если я откажусь, и я подумала: «О нет, это будет катастрофа!» Вот я и согласилась.

Берген рассмеялся.

– Так значит, на потайной кнопке было написано «конкуренция». Жаль, что я этого не знал в Стэнфорде.

Джейн печально покачала головой.

– Нет. Не конкуренция. Тревога. Этот человек мог бы пройти все тесты и оказаться славным малым, но он совершенно не годится для процедуры первого контакта. Ему еще сильно повезло, что он остался в живых после нескольких своих рискованных махинаций. Убедить руководство в том, что он не годится, я не могла, поэтому решила, что проще согласиться самой.

Только в этот момент Берген поймал себя на том, что стоит, смотрит на нее и кивает, как дурак. Он повернулся и направился к выходу.

– Так почему же вы до сих пор не видели капсулу?

Джейн вздернула брови и сделала глубокий вдох.

– Не хотела, чтобы это как-то повлияло на мой выбор. За несколько недель меня провели через множество тестов – как и вас, наверное. Похоже, я прошла. И похоже, руководство считает, что я смогу выдержать полет, поэтому теперь я, пожалуй, готова увидеть капсулу.

Берген радостно потер руки.

– Ну что ж. Это хорошо.

В коридоре их поджидало все высокое начальство. Берген всех сердечно поприветствовал, и они все вместе отправились в зал сборки. Остальные встали в стороне и принялись

поздравлять друг друга, а Берген указал на капсулу и объяснил Джейн кое-какие технические моменты.

Поначалу он не замечал ничего особенного. Он пошел вокруг ракеты по периметру, а Джейн пошла следом за ним. Он показал ей места, где должны были в скором времени смонтировать четыре ракетных стабилизатора. А потом он открыл люк, и Джейн поднялась по короткому скоб-трапу, чтобы заглянуть внутрь капсулы. В следующее мгновение она вдруг отвернулась и села на ступеньку.

Берген нахмурился.

– Не хотите зайти внутрь?

– Я... – Джейн нашла на своих брюках цвета хаки воображаемую крошку и сжала ее кончиками пальцев. – Доктор Берген...

У нее сорвался голос.

Берген, неловко переступая с ноги на ногу, смотрел на нее, а потом сделал шаг в сторону, чтобы заслонить собой Джейн от всех мужчин, которые стояли неподалеку и оживленно болтали. Они теперь почти не замечали Джейн.

Джейн совершенно растерялась. Она посмотрела за плечо, широко раскрыв глаза, и произнесла хриплым шепотом:

– Мне говорили, что это самый современный... что на это не жалели средств... что самые лучшие умы... О господи, это же не модель в уменьшенном масштабе, да? Он такой и есть, этот корабль? Он... такой маленький? Разве он не должен быть больше – для шестерых человек, на десять месяцев – и это только в одну сторону? И мы все... должны находиться там, внутри?

Только тут до Бергена дошло, как дико это могло показаться человеку за пределами космической программы. Любой из кандидатов, желавший попасть в состав этой экспедиции, с радостью отдал бы собственную ногу, лишь бы оказаться в этой капсуле, но все они понимали, почему все так, а не иначе с точки зрения логистики и механики. А Джейн размеры корабля, естественно, шокировали. Еще бы. Иначе и быть не могло. Разве Бергена это могло оскорбить?

Джейн не спускала с него глаз, а он пытался понять, что сказать.

– Да, док. Все именно так.

Джейн коротко кивнула, и по ее щеке стекла слеза. Она смахнула слезу, что-то неслышно пробормотала и встала. И вдруг рассмеялась. Смех был натужный, но было заметно, что Джейн быстро овладевает собой.

– У меня ванная комната побольше этой штуковины, – проговорила она чуть хриловато.

Берген усмехнулся.

– Ясное дело. А ваша ванная комната умеет летать со скоростью двадцать пять тысяч миль в час?

Джейн улыбнулась, и ее лицо озарилось необычайной теплотой. Она шагнула к Бергену и протянула ему руку. Он сделал то же самое.

– Думаю, я всегда могу рассчитывать на то, что вы мне будете говорить правду, доктор Берген.

Она его увидела. Она его приняла.

Вот как все получилось. Вот с чего все началось. Если бы он уже не был влюблен в нее, он бы влюбился в это мгновение.

Засверкали вспышки фотоаппаратов, но Берген почти не замечал их, стоя перед Джейн и любуясь ее потрясающей улыбкой. Берген понял, зачем их фотографировали, только на следующий день, когда им сообщили главную новость.

Обычный налогоплательщик не смог бы никогда увидеть ни одну из этих фотографий. Для широкой общественности миссия должна была быть представлена в виде первой экспедиции на Марс команды из пяти человек. А доктор Джейн Холлоуэй якобы отправлялась в длительную командировку в Тибет.

Тем не менее момент был исторический, и потому его следовало задокументировать в секретных архивах НАСА. Один из инженеров, сконструировавших космическую капсулу, отправляющуюся к «Цели», также отобранный в состав команды, демонстрировал корабль новоиспеченному астронавту-лингвисту.

Дубликат одного из этих снимков стал одной из немногих личных вещей, которые Бергену позволили взять с собой. Фотографию он хранил в книжке – техническом руководстве, на полке шкафчика в кладовой. Никто не видел ее – кроме ученого, эксперта по качеству воздуха, который утверждал все личные вещи. Снимок никоим образом не портил состав атмосферы на борту, поэтому его разрешили взять.

Они вернулись на «Провиденс», закрыли и заперли люк шлюзового перехода. Уолш и Комптон начали снижать давление внутри капсулы.

Берген помог Аджайе перенести обмякшую Джейн в медицинский отсек, чтобы Аджайя могла обследовать ее с помощью ЭКГ. Для космических прогулок, когда нагрузка на тело была столь велика, что жизненные показатели астронавта следовало мониторить каждую минуту, к коже традиционно прикрепляли электроды. Аджайя снимала показатели молча.

Берген не сводил глаз с лица Джейн, стараясь не выдавать своих чувств. Казалось, она просто спит.

– Аджайя... у нее только что глаза двигались. У нее не припадок, нет?

– Нет. Мне кажется, это просто фаза сна с быстрым движением глаз. Несколько минут назад у нее увеличилась частота сердцебиения, но сейчас вернулась к норме. Тут не о чем тревожиться.

– У нас есть атмосфера, – объявил Уолш и снял шлем и перчатки.

Все последовали его примеру.

Берген разгерметизировал шлем Джейн и начал снимать с нее скафандр. Как только торс Джейн обнажился, Аджайя начала ее осматривать. Странно было вот так раздевать ее. Берген не раз воображал, как снимает с Джейн одежду, но никогда – что это будет выглядеть вот так. Он старался не отвлекаться и сосредоточился на работе, чтобы руки не дрожали. Ни в коем случае нельзя было сейчас выдать себя.

Берген стаскивал с Джейн охлаждающий костюм от талии вниз, когда Уолш начал распоряжаться:

– Берген, займись пробами воздуха. Гиббс, Варме, я так думаю, не помешает помощь.

Берген прикусил язык. Комптон прошел подготовку по GC-MS и запросто мог обработать материалы по анализам проб воздуха. Да и Гиббс тоже.

Бергену была ненавистна мысль о том, что Гиббс будет прикасаться к Джейн. Гиббс всегда над ней подшучивал. «Уж лучше пусть он сейчас оставит свои шуточки при себе», – мрачно подумал Берген и стал проталкиваться к научному отсеку.

Только-только он загрузил в анализатор первую пробу и стал готовить к загрузке вторую, когда услышал позади себя шум. Обернувшись, он увидел, что Джейн размахивает руками. Она пришла в себя и была наполовину обнажена. Судя по всему, в тот момент, когда она очнулась, Гиббс и Аджайя пытались натянуть на нее летный костюм.

Гиббс отлетел в одну сторону, Джейн в другую. Она прижала синий комбинезон к груди, испуганно вытаращив глаза.

– Джейн, – бережно проговорила Аджайя холодным голосом медика и предупреждающе подняла руку. – С тобой все в порядке. Ты в безопасности. Нам пришлось снять с тебя скафандр, чтобы я могла тебя осмотреть.

– Я... я не помню, как оказалась здесь. Чувствую себя ужасно. Голова раскалывается.

Аджайя медленно приблизилась к ней. Джейн вздрогнула, но не оттолкнула врача. У Бергена от волнения ком сдавил горло. Он не мог оторвать взгляда от Джейн, пока Аджайя заканчивала ее одевать. Она негромко задавала Джейн вопросы и произносила успокаивающие фразы. Джейн отзывалась односложно, ее движения были дергаными, но Берген не понимал, что женщины говорят друг другу.

Позади него просигналил прибор. Уолш и Комптон тихо переговаривались. Гиббс выглядел подозрительно серьезно. Наконец Гиббс приблизился с таким видом, словно ему нужно было чем-то заняться, и Берген неохотно отвернулся к прибору. Только что появились результаты анализа первой пробы воздуха.

– Эй, а результаты-то хорошие! – воскликнул Гиббс.

Берген смотрел на табло анализатора прищурившись. Он не был уверен в том, чего ожидать от анализа, но результат его встревожил по целому ряду причин. Восклицание Гиббса привлекло внимание Уолша и Комптона.

– Первая проба проанализирована. Чтобы просмотреть остальные, мне понадобится еще время, – сказал Берген.

– Таким воздухом не просто можно дышать – он близок, в самом деле очень близок к земной атмосфере, – с энтузиазмом сообщил Гиббс Уолшу.

Уолш пристально посмотрел на Бергена.

– А тебя это почему не радует?

– Потому что близость к земной атмосфере настолько велика по всем параметрам. Кислород – в почти идеальной пропорции. Азот – я-то думал, он будет зашкаливать, но это не так. Следовые количества CO₂ и метана – а это означает, что на борту есть живые существа. Но есть и еще кое-что. В пробе воздуха присутствует ксенон. Четыре процента ксенона – это странно. Высоковато.

Комптон задумался.

– Мы пользуемся ксеноном для работы ионного двигателя. Быть может, они этот газ тоже для чего-то используют. А может быть, где-то есть утечка.

Гиббс сказал:

– В нашей атмосфере только следовые количества ксенона, а вот на Юпитере его процент значительно выше. Для их атмосферы это может быть нормой.

Уолш задумчиво забарабанил кончиками пальцев по крышке прибора.

– А какое было атмосферное давление? Когда мы проникли в глубь корабля на несколько сотен ярдов?

Берген покачал головой.

– Это тоже странно. Давление колебалось вокруг и около четырнадцати целых и семи десятых пси. Ближе к капсуле оно было ниже – из-за декомпрессии, которую мы использовали при открытии люка. Но чем дальше мы уходили от перехода, тем ближе к идеальным становились показатели. Они приближались к таким, какие мы бы зарегистрировали на Земле на уровне моря.

Уолш прищурился.

– Мне это не нравится. Там кто-то есть. Они знают, откуда мы. Включают свет, меняют силу притяжения. Что у них на уме? Почему они не выходят к нам?

Гиббс сказал:

– Джейн говорила, что они, возможно, очень стеснительны. Может быть, они за нами наблюдают.

– Ну, если так, то мы только что им устроили чертовски показательное реалити-шоу, – пробормотал Уолш. Обернулся и посмотрел на Джейн и Аджайю.

Аджайя застегивала на Джейн спальный мешок, прикрепленный к креслу. Глаза Джейн были закрыты.

Поджав губы, Аджайя плавно подлетела к остальным.

– Я дала ей обезболивающее. У нее жуткая головная боль – может быть, мигрень, хотя в досье об этом ни слова, и даже головных болей напряжения у нее никогда не было. Вот все, что я смогла выяснить. Ничего аномального не нашла.

– А что она говорит? – взволнованно спросил Уолш.

– Не так много. Я ее спросила, что произошло. Она ответила, что пытается это понять. Но сейчас говорить больше не хочет. Ей надо поспать. На самом деле мы все пропустили начало цикла сна, командир.

– Согласен. Давайте разоблачимся, перекусим и поспим. А к работе вернемся через девять часов. – Уолш потер ладонью лицо. – Оружие всем держать наготове.

Берген уселся в свое кресло и застегнул молнию спального мешка. Обернулся и бросил взгляд на спящую Джейн. Теперь, когда все остальные улеглись спать, он мог не так старательно сдерживать себя, зная, что остальные его уже не видят.

С Джейн что-то произошло, но Берген понятия не имел, что это могло быть. Она словно бы была зачарована значками на стене, а потом вдруг отключилась. Это было совершенно на нее не похоже. На протяжении всего пути Джейн была крепка как скала – дружелюбная, выдержанная, добрая. Она очень старалась сохранять спокойствие в невероятно сложных обстоятельствах – и это ей удавалось.

Только один раз Джейн показала, что стресс таки добрался до нее. Это было вскоре после получения потока данных из Хьюстона примерно месяц назад. Поток содержал и личные электронные письма – руководство решило, что это поспособствует подъему морального духа. Через несколько минут после окончания выгрузки данных Джейн начала безмолвно плакать и пыталась это скрыть. Берген видел, что Аджайя попыталась с ней поговорить, но это не помогло. Он начал злиться на остальных за то, что никто не обращает внимания на страдания Джейн – а может быть, они вообще ничего не замечали, что было еще хуже.

Как-то раз она втиснулась в маленькую нишу с электронной книгой в руках. Берген в этот момент находился поблизости и ел. Вдруг ему в лицо что-то брызнуло. Какая-то капелька. Он был уверен, что это не еда, потому что он пока не открывал контейнеров с жидкостями. Он поднял голову и понял, что это слеза Джейн. Как она ни старалась, слезы все же полились.

У него было три младших сестры. Он видел, как его родители творят чудеса, обнимая девочек, когда те были маленькие. В отчаянии даже он сам к этому прибегал. Он понимал, что это не лучший выход, но он не мог просто так сидеть и смотреть, как она страдает.

Он ничего не сказал. Ему не хотелось привлекать к себе внимание. Он просто подтянулся к Джейн поближе и обвил ее руками.

В первый момент она замерла, а потом прижалась к нему, уткнулась лицом в его грудь и стала содрогаться от безмолвных рыданий. Берген ждал до тех пор, пока она не отстранилась, бормоча извинения. Он ничего не сказал, он даже взглядом с ней не встретился. Не хотел ее смущать. Он просто отодвинулся и вернулся на свое место. Скорее всего Джейн именно это и было нужно, потому что больше она не плакала.

5

Джейн проснулась с тяжелой головой и невольно вздрогнула, вспомнив о том, что это не просто один из дней, искусственно скроенных из бесконечных монотонных часов полета через космическое пространство. Что-то наконец произошло. Все изменилось.

Ее спутники захотят получить от нее ответы – но она не знала, что им сказать. Время от времени она ловила на себе их взгляды. Тогда она притворялась спящей и слушала, как они строят планы.

Они лихорадочно соображали, как действовать дальше, руководствуясь собранными на данный момент сведениями. В большинстве случаев команде позволялось принимать решения демократическим путем, хотя окончательное решение всегда оставалось в руках главы команды – в данном случае Уолша.

Уолш выступал за то, чтобы вернуться на борт «Цели» в тяжелых скафандрах. Естественно, Бергену только это и было надо, чтобы он отстаивал противоположную точку зрения. Берген утверждал, что это будет напрасная трата ресурсов и ограничение подвижности. Когда Аджайя, Том и Рон встали на сторону Бергена, Уолш отступился. Сошлись на том, чтобы идти без скафандров, но соблюдать при этом осторожность.

За время сна острая головная боль покинула Джейн, осталась едва заметная тупая, к которой примешивались довольно-таки четкие воспоминания о сюрреалистичном общении. Мог ли это вправду быть телепатический контакт? Или это была галлюцинация? Неужели теснота космической капсулы наконец все же довела ее до безумия? В Хьюстоне им говорили, что нужно быть готовыми ко всему, но к такому ничто подготовить не могло.

Джейн перебрала в уме все, что ей было известно. Голос звучал расчетливо и холодно. Может быть, она оказалась в какой-то виртуальной, компьютерно-имитированной среде? Может быть, в этом пространстве что-то вколачивалось в центры памяти мозга, чтобы успокоить пользователя и получить нужную информацию?

Джейн стала размышлять о тех воспоминаниях, которые пробудил этот странный голос. Эти воспоминания никогда не исчезали, они таились в уголках ее сознания и тихим шепотом говорили ей о том, какой должна быть жизнь на самом деле. Но как свежо, как ярко все предстало перед ней на этот раз – она и вообразить не могла, что такое возможно... Они все вместе, втроем, как это и было до поездки в Австралию. Родные, любящие в месте, где все они были счастливы. Пережить это чувство хотя бы еще раз ей никогда не удавалось.

Какое-то время нечто подобное она ощущала с Брайаном, но между ними встали карьера и работа, и чувство пропало. Было время, когда Брайан пытался доказать ей, что их мог бы сблизить ребенок, что тогда у них появилась бы общая цель. Это было бы нездоровое решение для их отношений, но какая-то ее частичка тянулась к такой, более глубокой связи. Брайан свел к минимуму ее тревогу о том, как это сможет сказаться на карьере. Он обещал, что они поделят нагрузку, но он всегда был настолько озабочен рассмотрением партнерши с точки зрения начала семейной жизни в любой момент времени, пока не стало ясно, что это не произойдет никогда. И пожалуй, это было к лучшему, но Джейн словно бы повисла в пространстве, ее как бы отрезало от тепла, которого она жаждала.

С какой стати странный голос напомнил ей об этом, о ее личном провале? Неужели воспоминания всплыли так близко к поверхности, что она выбрала их сама? Это был случайный выбор – или выбор голоса, который почему-то знал, какой эффект на нее произведут эти воспоминания?

На все эти вопросы накладывалось чувство неловкости. Она испытала какое-то странное удовольствие, слушая голос, и из-за этого казалась себе виноватой – как ребенок, кото-

рого незнакомец обманом вынудил взять конфетку. Из этого рождалось зловещее чувство – будто голос был коварен и за ним стояла ужасная сила.

У нее было так много вопросов – и никаких ответов. Сквозь ресницы она посмотрела на своих спутников. А кого-нибудь из них, так же как ее, коснулся этот бестелесный голос? Если да, они этого не афишировали. И наверное, именно так следовало себя вести. Если голос был реальным, он попробует обратиться к ней снова. Собственно, он так и сказал.

С этой мыслью Джейн стиснула зубы, расслабила ремни безопасности и расстегнула молнию спального мешка. Ее движения сразу привлекли внимание коллег – как она и думала. Они собирали аппаратуру. Ей нужно было поторопиться, чтобы не отстать от них.

– Доброе утро, – серьезно произнесла она.

Аджайя плавно подлетела к ней.

– Как ты себя сейчас чувствуешь, Джейн?

– Лучше, – уклончиво ответила Джейн. – Какие планы на сегодня?

Она храбро встретила взгляд Уолша.

– Исследования. Проникнем дальше.

Он с опаской наблюдал за Джейн.

Она кивнула.

– Я буду готова через несколько минут. Вам следовало меня разбудить.

С этими словами она полетела к шкафчику, где хранилась еда.

Следующая фраза Уолша остановила ее:

– Ты и Варма останетесь здесь.

Джейн ухватила за ближайшую скобу и развернулась к командиру.

– Что? Я вам нужна. Я...

– Варма выполняет приказ. Приказ для тебя такой: расскажи ей, что там произошло вчера.

Джейн смотрела на Уолша, не веря своим глазам.

– Со мной все в порядке!

Он поднял руку.

– Не надо. Гиббс сфотографирует любые надписи или знаки, какие нам встретятся по пути. Они будут автоматически загружаться на твой лэптоп, и ты сможешь с нами переговариваться. Приведешь мозги в порядок – и завтра присоединишься к нам.

С этими словами он отвернулся и продолжил проверку аппаратуры. Все прицепили к скафандрам устройства для контроля за содержанием кислорода и захватили запасные баллоны с воздухом, а также ранцы с дневным пайком, инструменты и всевозможные приборы.

Вскоре после этого Уолш и остальные мужчины ушли. Джейн услышала их удивленные голоса, когда они оказались в коридоре инопланетного корабля. Гравитация оказалась близка к земной. Было ли это подтверждением того, что инопланетянин по-прежнему старался устроить для них наилучшие условия?

Джейн нерешительно кусала губы. Следовало ли ей остановить их? Аджайя закрыла люк, и возможность сказать свое слово пропала.

Аджайя протянула Джейн рацию. Джейн взяла ее и принялась машинально готовить завтрак. Она никак не ожидала, что ее оставят в капсуле. Прихлебывая теплый кофе из пакета, она ждала, когда выпарится вода из упаковки с яичницей. Если она им была там не нужна, зачем ее тащили сюда через половину Солнечной системы? Она открыла лэптоп и подавила желание в сердцах стукнуть им по столу с крепежной «липучкой». Смотреть на значки на экране лэптопа она могла бы и из дома в полном комфорте.

Аджайя порхала поблизости и явно поджидала возможности устроить ей экзамен и завалить кучей вопросов.

– Джейн? Нам хорошо бы поговорить о том, что случилось вчера, – наконец обтекаемо выговорила она.

В это мгновение на экране ноутбука появилось первое изображение из тех, что Джейн видела вчера. Джейн резко втянула ноздрями воздух. Да... Она этого не могла себе представить. Даже в этом формате она видела, что символ означает «открыто», но к значению прибавлялась глубина и смысл, хотя на этот раз реакция была поверхностной, всего лишь обычным пониманием, не более того. Она с трудом сглотнула подступивший к горлу ком. Может быть, она все-таки не сошла с ума.

Аджайя подлетела ближе и посмотрела на экран.

– Что с этими значками, Джейн? Похоже, они как-то действуют на тебя.

– Я... А ты не видишь?

– Не вижу? Чего?

– Когда я смотрю на этот символ, он расширяется, как голограмма. Он распространяет, транслирует информацию.

– Голограмма? – Аджайя из снисходительности к Джейн еще раз взглядела в экран, но покачала головой. – То есть сначала ты их увидела так, как их вижу я, а потом они расширились?

Голос Аджайи звучал уж слишком сочувственно.

– Понимаю, моя реакция может показаться чересчур сильной.

– Ты пережила огромный стресс.

Джейн скрипнула зубами.

– Я в полном порядке.

Аджайя нахмурила брови.

– Джейн, ты должна понимать, что твоё состояние самозащиты внушает тревогу. Мне бы хотелось тебя осмотреть. Ты позволишь?

Джейн неохотно закрыла крышку ноутбука.

– Конечно.

Она спокойно ждала, пока Аджайя измеряла частоту ее пульса, проверяла рефлексы и прочие неврологические признаки. Затем Аджайя задала целый ряд вопросов для определения состояния психики. Подобный экзамен Джейн уже проходила несколько раз. Они все такое проходили.

Закончив обследование, Аджайя повернулась к Джейн и принялась постукивать кончиками пальцев по краю ноутбука.

– Результаты у тебя те же самые, какие были на протяжении последних шести месяцев и раньше. У тебя небольшая депрессия, но больше нет никаких клинических признаков психической нестабильности. Физически твоё состояние кажется мне хорошим. Я не могу определить, что вчера с тобой произошло, если только ты не расскажешь мне больше.

Джейн прорвало:

– А больше никто не почувствовал ничего необычного? Типа жужжания в голове?

Аджайя с интересом спросила:

– Жужжание? Ты вчера бормотала что-то про пчел. Почему ты ничего не сказала?

Джейн задумалась, что ответить.

– Сначала я подумала, что у меня просто нервы сдали. Но потом жужжание стало громче. А когда я расшифровала символы, звук вдруг стал невыносимым.

Аджайя задумалась.

– И в этот момент ты отключилась. У тебя раньше случался шум в ушах?

– Шум в ушах? Нет.

Аджайя достала отоскоп и долго обследовала уши Джейн. Наконец она отстранилась.

– Возможно, это синдром Меньера. Это нарушения в области внутреннего уха. Начаться может внезапно и приводит к сильному головокружению. Часто с этим состоянием сочетаются головные боли. Лечится очень легко. А сейчас ты слышишь жужжание? Кружится голова? Ощущаешь потерю слуха?

– Нет. Я чувствую себя хорошо.

– Это состояние возникает время от времени. Между приступами могут проходить годы, но они могут случаться и каждый день. Не чувствуешь ли ты давления в ушах? Может быть, ты чувствовала давление вчера?

– Нет. Ничего такого.

– Очень хотелось бы провести аудио-метрическое исследование, но у меня нет соответствующего оборудования. Известно, что стресс способен обострить тиннит¹⁰, хотя и не вызывает его. – С немного усталым видом Аджайя стала убирать медицинское оборудование. – Твой обморок в тот момент мог быть вызван элементарным падением артериального давления при перемене положения тела. Такое случается у более чем восьмидесяти процентов астронавтов во время долгих полетов. Я не знаю, Джейн. Ни один диагноз не годится, и меня это тревожит. Давай осторожно понаблюдаем за твоим состоянием. Ты ведь мне скажешь, если у тебя появятся какие-то новые симптомы, да?

У Джейн поплыло перед глазами.

– Конечно. Конечно, скажу.

Возможно, Аджайя смогла бы все понять, если бы она рассказала ей про остальное. Джейн сглотнула слюну, поморгала и наконец произнесла:

– Прости меня. В будущем я стану более откровенна, обещаю.

Джейн выскребла из контейнера остывшую яичницу, но пробовать не стала. Ей безумно хотелось вернуться на инопланетный корабль, не хотелось торчать внутри капсулы еще сутки – ведь отсюда она не могла ничего увидеть своими глазами.

Она принялась снова рассматривать символы и сосредоточила свое внимание на значках, проставленных снаружи на пластиковых контейнерах с гранулами, которые они обнаружили в кладовой. Шифр был непонятный, ускользающий от понимания. Джейн почти видела голограмму, но она возникала где-то на краю пределов достижимости. Еще хуже было то, что мысли блуждали и возвращались ко всему тому, что голос сказал ей днем раньше.

«Пища имеется в достатке, как вы уже успели уяснить».

Джейн удивленно заморгала и едва удержалась, чтобы не ахнуть. Голограмма ожила.

*«Питание... припасы... съедобное, аппетитное... сытное...
здоровое... калорийное... хорошо усвояемое, подобранное по составу...
смесь».*

Джейн поморщилась. Контейнеры были наполнены какой-то питательной основой – сырьем для приготовления пищи. Понятие, сформировавшееся в ее сознании, было совершенно чужеродным. Она гадала, что бы это могло значить, когда стала прибираться за собой после завтрака, а в это время заговорила рация:

– «Провиденс». Гиббс на связи. Прием.

Аджайя поспешно схватила рацию.

– «Провиденс» слушает. Прием.

– Проверка связи. Картинки получили? Прием.

Джейн взяла свою рацию.

---

¹⁰ Тиннит – шум (звон) в ушах, вызванный сужением кровеносных сосудов.

– Да, Рон. Я получила восемь новых изображений. Для того чтобы их расшифровать, мне нужно немного больше контекста. Хотелось бы присоединиться к вам. Доктор Варма считает, что у меня ничего серьезного нет. Прием.

Зазвучал веселый, немного гнусавый голос Гиббса:

– Понял тебя, Джейн. Мы с тобой свяжемся. Прием.

Через несколько секунд рация снова ожила:

– «Провиденс», говорит Уолш. Мы разделяемся на две команды. Гиббс и Комптон возвращаются обратно, чтобы заснять еще несколько кадров для уточнения контекста, а мы с Бергеном пойдем вперед. Уолш сеанс связи закончил.

– Я могла бы встретиться с вами...

– Оставайтесь на месте, Холлоуэй. Уолш сеанс связи закончил.

Джейн скрипнула зубами. Прятаться в капсуле – это не могло уберечь ее от того, что она пережила днем раньше, она была в этом уверена. Но конечно, остальные об этом не знали.

В ожидании она подготовила все, что могло ей понадобиться, когда она вернется на инопланетный корабль. При этом она старательно избегала встречаться взглядом с Аджайей, которая неодобрительно следила за ее действиями. Когда Джейн извлекла из шкафчика баллон с воздухом, на нее вдруг навалилась восхитительно приятная дремота. Она медленно заморгала, ее руки вдруг стали тяжелыми.

Ее сердце часто забилося.

Она поборолa панику и задумалась о том, какой у нее есть выбор. Она могла бы попробовать сопротивляться. Днем раньше это ей не помогло. Она только устала, изнемогла. Она почти ничего не получила от этой борьбы – уж во всяком случае, ничего такого, во что хоть кто-нибудь поверил бы.

Жужжание уже началось. Опять.

Она напoмнила себе о том, что это – возможность получить ответы. Она зажмурилась и сосредоточилась на глубоком дыхании. Пульсирующий гул усилился. Мысли потекли медленнее. Она заставляла себя прекратить сопротивляться, постаралась расслабиться и раствориться в мгновении...

Прилив радости подсказал ей, что ее собеседник рядом.

Она полусонно разжала веки и оказалась в хижине.

– Привет.

– Доктор Джейн Холлоуэй, ты не рассказала другим про наш уговор.

Джейн резко насторожилась. Голос звучал... сердито. Разве компьютер мог рассердиться? Она медленно повернулась по кругу и заставила себя придать лицу нейтральное выражение, хотя мышцы словно бы задеревенели.

– Привет. Ты не сказал мне, как тебя зовут.

Голос зазвучал нетерпеливо:

– Не понимаю. Это крайне важная информация. Ты должна их оповестить.

Джейн покачала головой.

– Они мне не поверят. Они... У меня нет доказательств.

Она задумалась о том, чем занимается, – произносит виртуальные слова виртуальным ртом, потому что ее тело на самом деле находилось внутри космической капсулы «Провиденс» и она была без сознания. Наверняка она плавала в воздухе и натыкалась на разные предметы. Она опустилась на кровать, вдруг потеряв уверенность.

– Может быть, я сошла с ума.

– Доктор Джейн Холлоуэй, есть срочное дело, которое требует вашего внимания. Не время погружаться в иллюзорные фантазии.

Джейн с опаской встала. Это странное общение расслабляло ее, разоружало. Она начала забывать о том, как опасна эта ситуация, ее покидала обычная осторожность, у нее вылетели из головы все вопросы, которые она собиралась задать.

– Что?

– Я не могу уберечь их от беды. Я пытался предпринять сдерживание и недопущение, но средства управления не реагируют так, как должны. Природа заражения такова, что оно прерывает необходимые нервно-электрические цепочки. Я неподвижен и нем. Только с тобой я способен поддерживать связь. Остальные для меня не открыты. Я не могу на них влиять. Ты и только ты одна должна действовать.

В голосе завибрировали истеричные нотки.

Джейн напряглась. Ее вдруг охватил страх.

– О чем ты говоришь?

– Я предположил, что твоя личность хорошо ответит на любые исследовательские усилия. Я мог бы направлять тебя и отговаривать, если понадобится. Однако в настоящее время четыре индивидуума присутствуют в двух секретных помещениях, а двое из них находятся в губительной близости от опасности, которая грозит самому их существованию. Мне бы не хотелось их истребления.

Голос звучал надменно, самодовольно.

Рука Джейн рефлекторно сжала спинку стула.

– Истребление? Ты говоришь, что остальные астронавты в смертельной опасности?

– Доктор Джейн Холлоуэй, я жду от тебя предотвращения надвигающейся катастрофы.

– Как? Скажи мне как. Скажи, что я должна делать. Что за опасность?

– Жди. Я отправляю данные.

Джейн пошатнулась. Жужжание у нее в голове звучало все громче. Понимание проникло внутрь ее с новой, волнующей остротой. Она ощущала вибрацию с силой, дотоле неведомой. Она чувствовала полет каждой крошечной пчелки. Она чувствовала, как создаются связи, как отдельные нейроны выстреливают гораздо быстрее, чем, по идее, могут. Она чувствовала себя отделенной от себя самой, отрешенно наблюдающей, а в это время пространство между ее ушами расширилось для восприятия...

Она ахнула. Ее сознание заполнили трехмерные карты интерьера «Цели» в сопровождении чего-то наподобие описания функций и содержимого каждого сектора. Она упала на четвереньки и попыталась как-то справиться с потоком информации.

– О боже... – прохрипела она.

– Если хочешь, я бы с признательностью обсудил существование божественных форм жизни, но, быть может, нам лучше поговорить о более насущных делах? Было бы предпочтительно отложить этот разговор на какое-то время до полного запечатления приказа и запоминания картины управления. Однако в данный момент это жизненно важно. Ты готова приступить?

– Нет! Просто... перестань! – Джейн извивалась на шершавом, пыльном полу хижины, сжимая руками голову. Маленькие сверкающие пчелки выросли внутри, производили связи, что-то переписывали и оставляли после себя горящие следы, передавая данные. – Останови этих пчел! Пожалуйста! Это чересчур!

– Доктор Джейн Холлоуэй, тебе тяжело. Я помогу.

Джейн ощутила подъем, облегчение, уменьшение боли. Она открыла глаза в темноте, но эта перемена ее не испугала, а только вызвала любопытство. Ей казалось, что ее обняли, ей было тепло и спокойно. Это было чудесно, но и пугающе.

– Что ты сделал со мной?

– Я просто разделил мыслительные слои. Ты по-прежнему там, но еще и здесь. Я не осмеливаюсь слишком долго держать тебя без прикрытия. Это могло бы вызвать когнитивный диссонанс. Я не знаю, как ваш вид может отреагировать на подобное вмешательство.

У Джейн было такое ощущение, что она уходит все дальше и дальше от реальности.

– Здесь – это где?

– Со мной.

– Где ты? Физически?

– Я здесь.

Это существо явно предпочитало обтекаемые, двусмысленные ответы. Если бы ситуация не была настолько экстремальной, Джейн бы весело расхохоталась.

– Что это за форма общения? Как мы это делаем?

– Я проник в дремлющий участок твоего головного мозга. Стимуляция этой области активирует ранее невыраженный генетический материал, что, в свою очередь, возбуждает текущие структурные улучшения, облегчающие данный метод общения. Коротко говоря, мое экспертное вмешательство мне подсказывает, что у тебя происходят ускоренные эволюционные изменения.

Джейн слышала слова. Она улавливала их значение. Но она не могла понять их смысл.

А голос продолжал без остановки:

– Это любопытство. Ты концептуально знаешь об индивидуумах в твоём мире с такой способностью, однако создается такое впечатление, что ваша цивилизация решительно отрицает саму возможность существования такой способности. Подобная близорукость – преграда на пути прогресса вашего мира. Недостаток науки – если не воображения. И все же в целом все вы шестеро обучены стандартам научных исследований. Ваш вид исчезает, доктор Джейн Холлоуэй.

Джейн сглотнула подступивший к горлу ком.

– Ты и с другими так общаешься?

– Нет. Это невозможно.

– Почему?

– Я способен просматривать чужие мысли и воспоминания, что-то узнавать – в ограниченном масштабе, но я не могу с ними общаться. Быть может, со временем это станет возможно. Им не дается менсентентийский. Это мешает общению.

Джейн силилась уловить ход мыслей незнакомца.

– Менсентентийский?

– Общий язык.

– Что? Послушай, ты должен объясниться. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я бы посоветовал более сдержанное, спокойное отношение, доктор Джейн Холлоуэй. Я не учитель. Я не получил требуемых инструкций.

Джейн сделала глубокий вдох, чтобы подавить нарастающее раздражение, и продолжала:

– Пожалуйста, скажи мне, что тебе известно о менсентентийском.

– Я буду краток. Загрузка почти завершена. Ты должна вернуться. Общий язык пребывал внутри тебя в дремлющем состоянии, он был компонентом генетической памяти, данной тебе Кунабулой.

– Генетической памяти.

Голос издал нечто наподобие вздоха и продолжил рассказ:

– У большинства видов генетическая память пробуждается в период пубертатных изменений и означает готовность вступить в общение с теми, кто находится за пределами их собственного вида. Твоя конверсия произошла почти спонтанно. Это довольно уникально и скорее всего является результатом твоего широкого лингвистического опыта. Когда я наблю-

дал это пробуждение, я усилил мои попытки общения, что в итоге привело к успеху. Я должен сказать, что Септилии были очень огорчены тем, что мессенджерский в вашем мире не работает. Огорчило их и то, что вы там не были хорошими слугами, что ваш мир пребывает в состоянии такого хаоса и на грани экологического коллапса...

«Кунабула? Септилии?» От наплыва информации у Джейн кружилась голова.

– Постой, – прервала она своего невидимого собеседника, – ты говоришь, что символы... и сейчас мы общаемся на мессенджерском?

– Пора, доктор Джейн Холлоуэй. Ты проснешься с полным пониманием устройства этого судна и должна незамедлительно действовать. Тебе станет ясно, как следует действовать. Пока мы не можем общаться в то время, когда ты в сознании, но если станешь слушать, то будешь слышать мои сообщения. Я буду предлагать помощь, когда смогу. Теперь ступай.

– погоди. Назови мне свое имя!

– Я Губернавити. Эй'Брай.

– Эйиии-Брай? – машинально повторила Джейн, чтобы удостовериться в том, что она верно расслышала все нюансы звучания имени и в дальнейшем будет помнить и произносить его верно. Но ответа не последовало. К ней вернулась страшная боль.

6

Первым вошел Берген, и сразу зажегся свет. Его поприветствовал негромкий звук – выброс воздуха. Это была еще одна просторная, объемистая кладовая, от пола до потолка заставленная цилиндрическими резервуарами – все они были одного цвета, как и все прочее на этом корабле.

– Почему-то я ожидал, что интерьер инопланетного корабля окажется поинтереснее, – заметил Уолш.

– Да уж. – Берген глянул на Уолша, когда они пошли по извилистому проходу, чтобы понять, как далеко он уходит. Проходы в этой кладовой лежали не по привычным прямым линиям. – Что ты думаешь насчет того, что сказала Джейн?

– Подожду, что скажет Варма, – произнес Уолш таким тоном, что стало ясно: обсуждение закончено. – Как думаешь, что в этих бочках?

Берген зевнул и пожал плечами.

– Что-то такое, что и мы бы держали в резервуарах, наверное. Вода, сжатые газы, какое-то топливо. Чтобы наполнить корабль такого размера воздухом, нужно чертовски много газа. Не сомневаюсь, Джейн разберется. Она большой специалист.

Он опять пожал плечами, нахмурился и удержался от смеха.

Он скосил глаза на Уолша, чтобы посмотреть, заметил ли Уолш выражение его лица или высказывание насчет Джейн. Не заметил. Уолш пристально разглядывал что-то вроде вентиля на одном из резервуаров. Он снял ранец и лямки дыхательного аппарата и низко наклонился к резервуару в забавной позе. Для полноты картины ему не хватало только большой лупы. Представив себе это, Берген фыркнул от смеха.

– Кстати, о воздухе – тут даже что-то вроде сквознячка, чувствуешь? – Уолш чуть заметно покачнулся и усмехнулся. Это было странно. Уолш никогда не улыбался. – Приятно – после десяти месяцев в затхлом воздухе и тесноте нашего треклятого чайника.

Берген невольно зашелся смехом.

– И точно, правда? Похоже, где-то сломалась система вентиляции.

Уолш хлопнул его по плечу, и это показалось Бергену нетипичным проявлением дружелюбия. Уолш двинулся дальше и потащил за собой свой ранец и аварийное дыхательное оборудование.

– Скажем маленьким зеленым человечкам, чтобы починили вентиляцию – если найдем их, конечно.

– Угу. Нет, нет. Не мы. Джейн им скажет.

Уолш торжественно кивнул. Он вел себя как пьяный. Это выглядело ненормально.

– Точно. А вчера все-таки что случилось, как тебе кажется?

Берген помотал головой, пытаясь ее прочистить. Он ощущал, что сознание наполняется странным туманом.

– Я же тебя только что про это спросил, а ты сказал, что подождешь, что скажет Аджайя.

– Точно. Я так сказал. А ты знаешь, что ты скотина законченная, Берг?

Берген игриво толкнул Уолша, и того пронесло через всю кладовку. При этом он хохотал во всю глотку.

– Эй, эй, эй – осторожно! Думаю, Гиббс вчера мне пару ребер сломал, когда повалился на меня. – Уолш опять покачнулся и, похоже, смутился. Он ощупал свое туловище обеими руками. – Смешно, слушай... Они уже и не болят.

Берген медленно приблизился к Уолшу.

– А ты Аджайе про это говорил?

Уолш издал театральный вздох.

– Ерунда. В тот момент важней была Холлоуэй. – Он огляделся по сторонам. После того как он толкнул плечом Бергена, они продвигались вдоль узкого прохода между резервуарами. – Дверь, – скованно отметил Уолш. – Давай откроем ее и поглядим, что там по соседству. Более или менее то же самое, зуб даю. Кучи и кучи всякой такой дребедени. Гиббс был прав – жутко странный цвет. Зачем им понадобилось красить все до одной треклятой штуковины одной и той же краской? Мы ведь с тех пор, как здесь оказались, ничего не видели другого цвета, точно?

Уолш нажал на панель около двери, переступил порог и тупо уставился в темноту. Это было странно. До сих пор светильники всегда включались автоматически, стоило им войти в новое помещение. Из-за темноты у Уолша возникло ощущение, что сюда соваться не стоило.

Уолш скорчил рожу и облизнул губы, словно улыбчивый комик.

– Губы онемели, – сообщил он голосом изменившегося, более глубокого тембра.

Что-то было не так.

Берген огляделся по сторонам в поисках какого-нибудь датчика движения и отпрянул.

– Ой, мать твою. – Собственный голос прозвучал для него странно, басовито. Но у них помимо этого хватало проблем. Он сгрел в кулак ткань летного костюма Уолша на спине и развернул его к себе. – Глянь!

– Мать божья, – медленно протянул Уолш. Его голос стал звучать негромко и зловеще. – Что за чертовщина?

Свет в помещение проникал через дверной проем соседней кладовой. Вся стена около двери, насколько хватало глаз, была усеяна какими-то животными размером от огурца до крупной собаки. При тусклом свете на темной стене трудно было рассмотреть, какого цвета эти существа – то ли серые, то ли лиловые. Казалось, что поверхность у них влажная, скользкая, с радужным отливом, и они двигались. Некоторые из тех, что покрупнее, двигались пугающе быстро. Но при всем этом они не производили такого уж устрашающего впечатления. Тем не менее Берген решил сохранять дистанцию.

– Здоровущие слизни, – отозвался Берген свинцовым басом, покачал головой и недоверчиво улыбнулся.

Они с Уолшем обменялись встревоженными взглядами. Уолш хихикнул, но его смех прозвучал негромко и искаженно. Он умолк и взволнованно произнес:

– Вот что. Давай-ка вернемся.

– Командир Уолш, на связи «Провиденс». Возвращайтесь. Прием.

Берген и Уолш дружно вздрогнули, услышав по рации громкий голос Аджайи.

Уолш приосанился.

– Говорит Уолш. Варма, докладывай. Прием.

– Джейн снова без сознания. Я не могу ее разбудить. Прием.

– Что случилось? Прием.

– Она вдруг задремала, и я поняла, что она лишилась чувств. Жизненные показатели в норме. Ваш голос звучит необычно, командир. С вами все в порядке? Прием.

Уолш зажмурился, всеми силами стараясь слушать как можно более сосредоточенно. Почему стало так сложно соображать? У Бергена было такое ощущение, будто он засыпает на ходу. Онемение рук и ног, отупение, бессвязность мыслей. Им нужно было как можно скорее убираться отсюда.

Он схватил Уолша за руку и направился к выходу. Уолш вздрогнул, словно очнулся от транса, и послушно двинулся следом за Бергеном. А у Бергена осталась только одна мысль: как бы поскорее добраться до двери и выйти.

Раздался громкий, пронзительный звук, и Уолш с Бергеном застыли на месте как вкопанные. Бергену понадобилась почти минута, чтобы распознать этот звук. Сработал монитор кислорода дыхательного аппарата Уолша. Как только он это понял, тревожный сигнал

подал и его монитор. По табло вверх и вниз забегали цифры. Нечего было удивляться тому, что у него так закружилась голова.

Он быстро снял с плеча ранец и баллоны со сжатым воздухом. Принялся открывать клапан, но пальцы плохо слушались. Они словно бы стали деревянными.

Берген скосил глаза на Уолша. Он ожидал, что его напарник займется тем же самым. Но – увы. Уолш наблюдал за слизнями, и Берген понял почему. Те начали шевелиться гораздо быстрее. Похоже, их взбудоражили сигналы тревоги.

А Уолша слизи словно бы загипнотизировали. Он медленно направился к одной из крупных особей и вытянул руку. Проклятье... Он уходил назад от выхода. Берген с силой помотал головой, пытаясь прогнать дурманящее состояние, и бросился вдогонку за Уолшем. Поравнявшись с ним, он потащил его в обратную сторону.

– Не будь проклятым сорвиголовой, Уолш!

Уолш ничего не сказал в ответ.

Их кислородные мониторы все еще издавали сигналы тревоги, и это помогло Бергену вспомнить, чем он занимается. Его пальцы наконец сжались на клапане баллона, и он придвинул к лицу маску.

В этот момент погас свет.

Уолш налетел на него, и они оба рухнули на пол в полной темноте. Приземление получилось не мягким. Они с криком начали размахивать руками и ногами. Берген выронил ранец и баллон с воздухом и начал шарить по полу, пытаясь их нащупать.

Уолш хватался за него и то бормотал что-то бессвязное, то маниакально хохотал.

Берген поборол панику и на миг замер на месте, пытаясь сосредоточиться. Мысли разбегались... низкий голос. Что-то было... вчера...

Почему он не мог соображать?

– Командир? Уолш? Берген? Доложите обстановку. Прием, – вновь прозвучал голос Аджайи. Мониторы кислородных баллонов продолжали истошно вопить.

Попытки Уолша ухватиться за Бергена становились все более вялыми. Он обмяк и мертвым грузом улегся на пол рядом с Бергеном. У него началась асфиксия или что-то еще в этом роде. Берген понимал, что с ним будет то же самое, если он не найдет свой баллон с воздухом. Он отодвинул от себя обмякшее тело Уолша и удвоил свои старания. Он вслепую обшаривал все вокруг себя и искал баллон и ранец – хоть что-нибудь.

«Уолш. У Уолша тоже есть баллон».

Адреналин бушевал в крови Бергена. Он попробовал перевернуть Уолша лицом вниз. Проклятье! Тот ухитрился в какой-то момент сбросить с плеч ремни. Ни ранца, ни баллона у него на спине не было.

Берген обессиленно лег на бок. Они с Уолшем умрут здесь, в темноте, на инопланетном звездолете, в окружении огромных, отвратительных, чужеродных космических слизней.

Он закрыл глаза и поддался дремоте. Но как уснешь под такой противный вой сигнализации? Кто-то должен был ее выключить.

Дремоту Бергена прервал звук голоса Джейн. Он не слишком охотно очнулся, чтобы послушать ее. Она говорила встревоженно:

– Уолш, Берген... Это Джейн. Вы меня слышите?

– Джейн?

«О... Это она по рации к нам обращается».

Словно бы растолстевшими, непослушными пальцами Берген схватил рацию. Загорелся маленький красный огонек. Теперь он мог говорить.

– Джейн? Это Берг.

– Доктор Берген? Вы... как?

Он силился разжать веки.

– Потерял. Оба. Темно, Джейн.

– Что... что произошло? Что вы потеряли?

– Не знаю. Воздух, кажется. Так спать охота, Джейн.

Сигнал... Сигнал за сигналом.

– Алан, послушай меня. Не спи. Ты... Оно... Я думаю, дело в газе. То помещение, в котором вы находитесь, наполнено каким-то газом. Вам нужно уйти из этой комнаты!

Что ж, эта мысль ему тоже приходила в голову.

– Не могу. Ни черта не вижу. Слизней не вижу.

Он говорил все более неразборчиво. Он был пьян? Как это могло случиться?

– Ладно. Хорошо. В этом проблема, да?

– Угу.

Джейн опять умолкла.

Мониторы продолжали истошно сигналить. Звук разрывал барабанные перепонки. Берген снова начал засыпать.

– Алан? Поблизости от вас – высокие резервуары и скоб-трапы, так? Заберитесь на скоб-трап. Если вы подниметесь повыше, концентрация газа уменьшится. Я иду вам на помощь, но вам тоже нужно потрудиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.